

Центром
Вход

АНТОН ЕВТУШЕНКО

АНТОН ЕВТУШЕНКО

Симптом страха

«Издательские решения»

Евтушенко А. А.

Симптом страха / А. А. Евтушенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503424-3

История тридцатилетней девушки-фрилансера, первой решившейся на перевод смертельно опасных «Шайтанских аятов» («Сатанинских стихов») на русский язык, и оказавшейся в центре интереса не мусульманских ультрарадикалов, а российских структур госбезопасности. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503424-3

© Евтушенко А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. НЕУЛОВИМЫЙ ДЖО	6
Глава 2. LemON/OFF	23
Глава 3. В ПИТЕР БЕЗ ЗОНТА	34
Глава 4. СЛОНЫ В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Симптом страха

Антон Александрович Евтушенко

Корректор Софья Мулеева

© Антон Александрович Евтушенко, 2019

ISBN 978-5-0050-3424-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга вдохновлена реальными событиями. Некоторые сцены, персонажи и диалоги являются вымышленными и введены для усиления художественной образности. Любое совпадение вымышленных персонажей с реальными людьми случайно и непреднамеренно.

«Каждая судьба должна обрести право собственного голоса... Если я принадлежу обществу, если я его частица, то не может быть, чтобы выпавшее на мою долю было напрасным, никому не интересным. И почему я должен скрывать случившееся со мной?»

Л. В. Мочалов. *In medias res*

«Nullum crimen sine poena»¹

¹ Нет преступления без наказания (лат.). Норма римского права.

Глава 1. НЕУЛОВИМЫЙ ДЖО

Вытапливаемые пряными лучами солнца звёзды зашербилась и померкли. После раннего восхода небо мигом распахнулось, вытеснив прохладу ночи.

За двойными стёклами стояла непробиваемая затишь убаюканного дома, нарушаемая утробным мурлыканьем бойлерной. Обмотавшись длинным прогретым полотенцем и закусив зубную щётку, Игараси-сан, распаренный, прошёл сквозь дом и спустился по ступеням на террасу. Под ногами скрипела и пружинила кленовая доска, пахнувшая лесом и сиропом. Под навесом на плите пел чайник, набирая высоту. Прикрыв вторую, остеклённую дверь, ведущую с террасы в спальню, Игараси-сан спешно вывернул конфорку до нуля. По ту сторону комнаты, над подоконником, показался сметанно-белый кулачок. Он деятельно погрозил супругу и обмяк, ускользнув обратно, под щеку спящей Мичико.

Фиолетовый сумрак, устав бороться с семафорами окон, с обидой отступил. Будто призрак проявлялась из темноты остроконечная коробка с решётчатым балконом господина Ватанабэ. Дом хранил молчание. Ватанабэ-сан с женою и детьми были в круизе где-то в Филиппинском море, и до середины следующей недели соседей ждать не приходилось. Пахло кисло хурмой – её незрелые плоды, глянцево-бланжевым румянцем, поспедали на раскидистых деревьях с искривлёнными стволами и разорванными кронами. В этих местах кварталы жили короткой жизнью, их регулярно подсекал сосновый бор, наступавший с юга. Сосны, занятые бризом, качали ветвями слабо, будто в хвастливом обещании присматривать за человеческим жилищем. Привычных рядов коптившихся на солнце небоскрёбов Игараси не увидел. Мускулистые, имперские колоссы, напоминающие о величии Японии, были обезглавлены шесть недель назад внезапным, но ожидаемым переездом семейства к рисовым теплицам и цикадам. Первые привносили к запаху плодов хурмы тёплый аромат грибницы, а последние – аккомпанируя звуками гастрономии (оглушающее шипение масла на раскалённой сковородке), создавали вкусную иллюзию, что кто-то готовит мацутаке, будто собранные тут же, через дорогу, под сенью красных сосен. Обильные грибные места перемежались с теплицами, прерываясь только для того, чтобы пропустить следующих в Мориоку гончих Ямабико².

В больших городах вроде Токио любителей наслаждаться пением древесных сверчков несравненно больше, чем в провинциях. Их пение более разнообразно, чем стрекотание кузнечиков. Игараси-сан припомнил, как до переезда он и сам отклонялся от своего привычного маршрута, заскакивая в гряды больших деревьев, чтобы послушать крошечных земи. Здесь можно было поесть прямо на газете, как кошка, и полюбоваться клумбами с ирисами или золотыми рыбками в пруду. Мелкие цикады с прозрачными зеленоватыми крыльями появлялись в начале июля, они мелодично цвиркали: ми-ми-зе-ми, как будто выговаривали собственное имя. Иногда рокот моторов и автомобильные клаксоны заглушали их переключку. Представить такое здесь, на новом месте, казалось невозможным. Никакие стрекочущие формы насекомых по силе вытаскивания звуков из себя не могли сравниться с ними – крупными цикадами с непрозрачными надкрыльями, которых местные рисоводы-фермеры называли абра. Может, именно поэтому земи здесь не были в таком почёте: в народе говорят, что абра своим треском способна свести с ума. И всё же Игараси-сан считал, что в цикадном гвалте было больше гармонии, чем в звуках выхлопов четырёхтактных двигателей. А с ума можно сойти от чего угодно: от неудачи в личной жизни, долгого запоя или одиночества. И в этом смысле мегаполис, как думалось Хитоси, томившемся столицей, более располагает.

² высокоскоростной поезд.

Терраса и шесть комнат большого дома в сто татами³ были справедливым воздаянием после крошечной квартиры токийского района Акихабара, откуда на протяжении последних четырёх лет ежедневно по будням в 7:02, строго по расписанию, Игараси добирался по синкансэн до Научно-образовательного округа Цукубы. Он и теперь ездил поездом, подсаживаясь на предпоследней остановке. Вместо часа дорога занимала шесть минут и ещё восемь – на рейсовом автобусе до студенческого кампуса.

Научный городок Цукуба, расположенный к северо-востоку от Токио, был синкретизирован из шести городских и нескольких сельских поселений как раз в том году, когда ректорат Цукубского университета предложил сорокалетнему доценту сравнительной культуры Хитоси Игараси вести на трёх студенческих потоках двухчасовой факультатив по исламской экоэтике. Лекции имели успех, не в последнюю очередь и потому, что не сползали в прикладную урбо-экологию, а вращались на орбитах экспериментальной теологии.

Стремительный прогресс молодого города совпадал по темпоритму с карьерным ростом Игараси-сана. Примерно в том же году университет получил от государства солидный грант на строительство и начал активно заниматься социальным девелопментом. Вскоре в маленьком городе выросли целые кварталы аккуратных домиков для сотрудников и их семей. По будням Игараси-сан продолжал вести факультатив, а большое количество свободного времени заполнял изысканиями в области богословско-догматического литературоведения. В выходные в рамках муниципальной программы адаптации мигрантов Среднего Востока он выступал с докладом в Токийской филармонии по приглашению столичной мэрии.

Строительная деятельность Общественного университета привела к тому, что уже через два года после слияния Цукуба административно раскололся надвое на условный центр – Научно-образовательный округ – и периферию – Пригородный район. Игараси-сан заканчивает и публикует монографию «Исламское возрождение». В научном обществе труд встречают тепло, и автор получает заманчивое предложение от ректората создать на их основе собственный спецкурс. Теперь вместо двухчасового факультатива для студентов он читает обязательный для аспирантов курс по арабской и персидской теологической литературе – тридцать пять достойных и воздействующих часов в неделю. Сразу несколько высших учебных заведений страны предлагают Игараси сотрудничать, пытаясь переманить к себе ценного докладчика, и ректорат университета Цукубы спешно пролонгирует контракт с доцентом Игараси ещё на десять лет, согласно которому берёт на себя повышенные обязательства по обеспечению сотрудника жильём.

Новоселье семейство Игараси справит через полтора года – в мае девяносто первого они получают ключи от новенького, только что отстроенного дома в слабозаселённом Пригородном районе. За это время Игараси-сан увлечётся медициной, напишет вторую монографию и даст жизнь двум англоязычным книгам в японском переводе.

На световом табло под самой крышей станции огромным списком выкатывалось расписание прибытия и отправления поездов. На обглоданный сумасшедшим приморским ветром синкансэн Хитоси прибывал с минутным опозданием. Он сам не знал, где потерял эту минуту: может, когда возился с ещё неразработанным замком двери или пропускал на переезде чёрный, осатаневший от внутренней мощи товарняк, а может, когда хрумкал мелким галечником, притормаживая под тенью треугольных листьев долгожителя гинкго билоба, размышляя о старости.

Перед самым выходом он упрятал подбородок в прохладные, пахнущие шампунем волосы жены, и поцеловал в темя. Её лицо, испорченное комедонами, лоснилось в лучах стре-

³ татами – маты 0,9х1,8 м, которыми застилают полы; традиционно ими измеряют площадь жилища, равны примерно 1,6 кв. м.

мительного солнца. Жена старела, всё старилось вокруг и становилось бывшим. Старел и сам Хитоси. Иногда он ощущал себе не человеком, а высокоточным механизмом с запущенной программой-протоколом неизбежного распада. Он знал: этот механизм будет работать исправнее любых часов до тех пор, пока все коды не будут считаны, а программы – исполнены. Впрочем, это не мешало ему, как и раньше, ощущать всепоглощающие токи научного азарта. Токи горячили и крепчали, накатывая волнами, и это действовало, как успокоительное средство. В конце концов, у него ещё есть время, чтобы поизносить, поистереть шестерёнки творческих потенциалов.

Проскочив створки автоматического терминала, Хитоси выбежал на перрон как раз в тот момент, когда машинист перевёл рукоятку контроллера на первую позицию и почувствовал натяжение между автосцепками локомотива и первого вагона. Хитоси этого почувствовать не мог, но видел, как бесшумно схлопываются дверные створки. Двери уже были закрыты, но у опоздавшего было несколько секунд для срабатывания кнопки их принудительного открывания. За эти несколько секунд он ещё мог успеть заскочить в последний вагон. Машинист перевёл рукоятку на следующую позицию, увеличивая ток тяговых двигателей, и все восемь вагонов осторожно, медленно потянулись вслед за головным – поезд тронулся, и Хитоси побежал. Портфель, раздув кожаные бока, неприятно колотил по бёдрам. Кроме сэндвича на перекус, в нём болтались пара книжек и начатая рукопись. От бега и тряски очки сползли по крыльям носа, как салазки по снежной горке. Семена за составом, отходящим со скоростью бегущего трусцой легкоатлета, Хитоси то и дело поправлял очки в роговой оправе тыльной стороной ладони, подумывая, что не мешало бы позаботиться о собственном здоровье и начать бегать по утрам. Живот и второй подбородок предательски росли, каждое утро напоминая в зеркале, что он не уделяет своему дряхлеющему телу должного внимания.

Рука ухватила поручень, нога почувствовала крепкую подножку. Хитоси подтянулся и фалангой пальца пощёлкал по кнопке. Кнопка категорично загорелась красным. От напряжения пальцы рук дрожали. Не спрыгивать же, в самом деле, когда отвоёвана подножка и оставалось только и всего – попасть внутрь. Вцепившись зубами в портфель, чтобы освободить руки, нечеловеческим усилием он разъединил двери, втягивая тело в тамбур. Как раз вовремя, чтобы проскочить отбойник короткого перрона. Станционная платформа осталась позади, и синкансэн, уже скованный паутиной города, неспешно повёл локомотив к конечной остановке.

Знакомый чесночный дух сурьмяного антисептика горчил. Пропитанные им шпалы и опоры контактной сети под растопленным июльским солнцем очень быстро начинали отзывать горечью, маркируя железную дорогу полосой отчуждения. Этот запах, успокаивая учащённое сердцебиение и сбившееся от бега дыхание, Хитоси вдыхал с мучительно-тоскливым наслаждением. Он напоминал ему о Ниигате. Жаркий летом, холодный зимой, он был прекрасен в любое время года, потому что Игараси в этом городе родился, там он мужал и рос. В один не самый лучший день родные края стали для семнадцатилетнего Хитоси такой же зоной отчуждения. До этого дня мальчику о доме напоминали мангры, они благоухали густо с июля по ноябрь. Зима неизменно разила птичьими гнёздовьями и солью озера Хё, на которое отец с сыном выбирался раз в неделю посмотреть на токующих сибирских лебедей. Пик брачного сезона приходился на декабрь, и именно тогда брачующихся лебедей становилось так много, что озеро словно закутывалось в пуховую перину.

Январь и февраль традиционно щипали морозом и пахли, как и положено, снегом и зимой. Тогда семья выезжала на склоны горнолыжного курорта, предпочитая традиционным лыжам и конькам модный в американских штатах сноуборд, откуда частенько приезжали их навещать кузен с кузиной по линии отца. Весна и начало лета всегда пахли тюльпановыми фермами и магазинами цветов, хотя, конечно, на самом деле, всё было как раз наоборот. Каждый месяц имел свой неизбывный флористический мотив: тюльпана и форзиции – в конце марта, тюльпана и цветущей сакуры – в начале апреля, тюльпана и ириса – в середине мая, гортен-

зии – весь июнь. Именно в том памятном месяце цветущих гортензий всё изменилось. Прежде изменился запах, он и стал предвестником большой беды.

По словам очевидцев, многие в тот день ощущали сероводородные выдохи Земли, но загадки обоняния были разгаданы слишком поздно, когда стрелки сейсмописцев чуть заволоновались, фиксируя первый толчок магнитудой в два балла. Следующий – шестибалльный – следом, оборвал провода электрических коммуникаций где-то в окраинных кварталах города. Землетрясение не было столь разрушительным для Ниигаты, его эпицентр лежал севернее, где-то в море. Но пожары из-за многочисленных протечек нефтеналивных портовых терминалов обступили город плотным кольцом. Для тушения сырой нефти пожарные расчёты использовали химическую пену с крепким чесночным запахом сурьмы, волнительным по своей природе и специфике. Он пришёл на смену нефтяному чаду, копоти и удушающему смраду.

Морская волна накрыла северо-запад побережья острова Хонсю через несколько минут после первого подземного толчка, придавив прибрежные деревни, город двухметровым водяным столбом.

Дом семейства Игараси был смыт в Японское море третьей, самой сильной и разрушающей волной цунами. Она нанесла городской инфраструктуре ущерб на миллиарды иен и напонила о себе ещё четыре недели, не сходя с суши. Потеряв работу, лишившись незастрахованного дома, семья Игараси, как и девять тысяч семей, потерявших кров, была вынуждена уехать из Ниигаты навсегда.

Хитоси тронул мыском ботинка свой портфель, стряхивая нахлынувшие воспоминания. Стальные колёса ворочались с глухим скрежетом неудовольствия от утягивающих их тормозных колодок. Поезд сильно замедлил бег, подкатывая к конечной станции. Холмы, обнесённые сухостойными пихтами, уже отбежали к хвосту состава, и глаза охватывали утекающие к горизонту малоэтажные постройки железнодорожного терминала, стеснённые со всех сторон подлесками литых колонн. Деревья обступали станцию так близко и плотно, что можно было считать иголки на ближних соснах, толстые стволы которых тяжело входили в землю частоколом. Лучащиеся отражённым солнцем колеи-гирлянды утягивали терминал и делали его стройнее. В долгой томительной паузе поезд скрипнул в последний раз и остановился.

В университетском автобусе Игараси окликнули. Исами Кобаяси из бекка-отделения⁴, с могучим голосом, но хрупкими плечами, хитровато поманил пальцем, указывая на свободное с ним место. Смущённый Хитоси пробился к Исами и неловко сел в угол мягкого кресла, уложил на колени портфель, а сверху руки, чтобы унять дрожь. Для Исами подобные манипуляции коллеги не остались незамеченными.

– Кампай!⁵ – воскликнул он, по-своему поняв причину, и одобрительно поморщил лицо в улыбке: – Прекрасное личное время!

Кобаяси страдал серьёзной зависимостью от алкоголя, слишком увлекаясь питьевыми встречами, но, кажется, всё осталось в прошлом, и теперь он предпочитал напиткам словопрепирания, не уступавшие по крепости и силе действия. Иногда это выглядело со стороны немного экспансивно и назойливо, но Игараси уже привык к навязчивости Кобаяси, традиционно коротающего и без того недолгую дорогу за беседой. Обсуждать на рабочем месте что-то кроме работы, согласно трудовому договору, Исами не имел права, однако до университетских ворот запретить делать это никто ему не мог. Он слыл известным болтуном и казуистом, и собеседников менял в поездке регулярно, усердно заботясь о чистоплотности и тщательности тем, не всегда, однако, соблюдая ровный тон и рамки этикета. Про него говорили: этому только дай ухватиться за сложную полемику, биться будет до последнего, обкатывая очередной диалек-

⁴ бекка – ускоренные циклы подготовки иностранных студентов при японских университетах.

⁵ универсальный тост, повсеместно распространённый в Японии, означающий пожелание пить до дна.

тический приём и доказывая и себе, и оппоненту давний сократов тезис – истина рождается не где-нибудь, а в бурном и горячем споре.

– Ставлю, что Сатору Накадзима войдёт в тройку призёров Гран-при, – поделился он прогнозами с Хитоси, когда все расселись и автобус тронулся от остановки.

Исами преподавал приезжим иностранцам японский язык и культуру Японии и в каком-то смысле они с Хитоси были чуть больше, чем коллегами. По мнению Исами их объединяло миссионерство – оба были учителями, педагогами, цивилизаторами, делавшими немало для обогащения и проникновения ближневосточной и азиатской культур друг в друга. Наверно поэтому общение для мужчин выходило прочным и довольно безуронным. Брошенная, казалось бы, не к месту фраза была, по сути, продолжением вчерашней беседы о предстоящем чемпионате Мира по автогонкам в классе Формула-1, который должен будет пройти в октябре на трассе Судзука.

Хитоси немного увлекался автоспортом и понимал, что у Сатору немного шансов, но спорить с Исами не стал. Понимал: себе дороже.

– Время покажет, – примирительно сказал он, не желая растягивать лакомую для Исами тему больше, чем на две дорожные поездки.

– Помяни моё слово, так и будет! – Он откинул со лба сивые волосы, пытаясь уловить хоть тень сомнения в тоне приятеля. Не заподозрив за ним ничего сомнительного, он покивал головой в знак крепости суждения. Тонкие, опущенные вниз уголки губ придавали его узкому лицу брезгливое выражение.

– Забыл спросить, как прошёл сливовый нихон-го?⁶ – Хитоси решил перевести разговор в другое русло. – Хотел поприсутствовать, но Мичико потребовала закончить с кухней. Коробки с посудой до сих пор не разобраны. Говорит, питаться в ресторане на зарплату доцента накладно.

– Да уж, непозволительная роскошь! Но ты многого не потерял. – Последняя фраза была ответом на вопрос Хитоси.

– Ну, и сколько «улиток»?⁷ – усмехнулся он, прекрасно осведомлённый о прозвище, придуманном абитуриентами для Кобаяси-сана: «Тараси». – Ни одной?

– Будь моя воля, – проворчал Исами, – ни одной бы не поставил. Но семеро всё-таки прорвались!

– Ты слишком строг к ним, Исами! Вспомни, сколько времени потребовалось тебе на изучение родного языка? Шесть лет? Двенадцать?⁸ А ты хочешь за полгода сделать из этих мальчиков и девочек матёрых японистов.

– За полгода они и не смогли понять важнейшего: строгой языковой иерархической системы, которой нужно придерживаться. – Исами недовольно цокнул языком о зубы. – Для нас все эти уровни вежливости – обыденность, а для них – излишняя громоздкость языка. Отсюда все нелепости и... три четверти не поступивших. Был на потоке один гебр⁹ по имени Хасиб, приехал по обмену из Белуджистана. Скажу тебе, юноша с огромным самомнением. Способностей к японскому у него мало, но бил себя в грудь, утверждал, что пехлеви и слож-

⁶ нихон-го – дословно «японский язык», в контексте фразы означающий нихонго норёку сикэн – экзамен по определению уровня владения японским языком для иностранных соискателей и поступающих в вузы; проводится дважды в год – в первое воскресенье июля и первое воскресенье декабря. Экзамен, проходящий в июле, называют сливовым из-за сезона «сливовых» дождей, длящихся с конца мая до середины июля.

⁷ система оценивания знаний нихонго норёку сикэн подразумевает использование баллов, однако, вообще, в Японии не принято оценивать работы учащихся; «улитка» – эмоциональная размашистая спираль красной ручкой поверх задания – означает всего лишь, что у учителя нет претензий к ученику и всё отлично.

⁸ школьное образование в Японии длится 12 лет, половина которых уходит на начальную школу, где почти всё время уделяется изучению японских иероглифов.

⁹ гебр – этноконфессиональная группа последователей религии зороастризма в Иране и Пакистане

нее, и душеполезнее японского. Каков наглец! Ты, кстати, не знаешь, что это за язык такой – пехлеви?

– Мертвый восточно-иранский язык, имеющий родственные связи с древнеперсидским и санскритом, – ответил Хитоси. – Когда-то очень давно он был языком аршакидов. Они говорили и писали на нём. Письменная разновидность называется пазанд – содержит четырнадцать букв, но...

– Ха! – возликовал Исами. – Четырнадцать! В японском 80 тысяч кандзи! И что пытался доказать этот мальчишка?

Хитоси неодобрительно покачал головой.

– Пехлеви – язык хоть и мёртвый, но великий. Священный текст «Авеста» яркий тому пример! Пусть этот Хасиб приходит на коллоквиум. Мы сегодня будем говорить про этот памятник древнепазандской письменности. Он, уверен, оживотворит наш диспут.

– Да, этот Хасиб порывался к тебе попасть неоднократно.

– Как? Ты мне ничего не говорил!

– Зачем? Абитуриенту бекка правилами университета запрещено посещать аспирантские trimestры!

– Прежде всего, он носитель культуры, – воспротивился Хитоси. – Общение будет полезно и ему, и аудитории. Я поговорю с ректоратом. Они должны пойти навстречу.

– Слишком поздно! – теперь Исами говорил ровно, однообразно, будто потеряв всякий интерес к нити разговора. – Этот заносчивый мальчишка не набрал и сорока баллов – вполне ожидаемо. С треском вылетел из курса подготовки. В ближайшие дни его отправят на родину, доить коз, или чем они там занимаются.

– Ничего не поздно! – горячо возразил Хитоси, наоборот, заразившись идеей во что бы то ни стало вытащить гебра на занятия.

Автобус остановился у длинных ворот студенческого кампуса и чихнул пневмоприводом дверей. Водитель предложил пассажирам закончить поездку и пожелал всем хорошего рабочего настроения.

– Ещё поговорим, – засуетился Исами, поддавшись ажиотажу у дверей.

– Кобаяси-сан, приведи его!

Исами сделал неопределённый жест рукою и побежал к пешеходным турникетам.

Четвертью часа позднее Игараси вошёл в один из лекционных кабинетов шестого корпуса, где аудитория встретила преподавателя радостным гулом перемены. Чистовыбритый юноша в нейлоновой сорочке с бериллиевой запонкой на манжете в знак приветствия почтительно склонил голову при появлении в дверях Хитоси и обратился к группе:

– Прошу приветствовать учителя.

Как ни тихо проговорил это Акира Накамура в общем перегуде двух дюжин голосов, в кабинете воцарилась тишина. Голоса растерянно смолкли, кто-то оборвал на полуслове анекдот. Аспиранты дружно встали, приветствуя сэнсея.

– Акира, спасибо. – Хитоси щёлкнул замком портфеля, пошуровал в его тёмном брюхе и извлёк на свет пачку разграфлённых бланков. – Раздай, пожалуйста, формуляры для коллоквиума. Доброго дня всем. Сегодняшнее занятие будем готовить по обычному рецепту, заведённой мной: общетеоретический скелет темы разбираем до обеда, а после – до четырёх – насаждаем его дискуссионным «мясом».

– Учитель, если нет аппетита? – крикнул кто-то из рядов.

– Значит, это экзистенциальный кризис, – поддержал шутку Хитоси и похлопал себя по животу. – Советую произвести ротацию моего спецкурса на курс по философии господина Ватанабэ. Он поможет и с аппетитом, и с аттестатом.

Аудитория дружно рассмеялась.

– Возможно сегодня, – Хитоси дал время пиршеству веселья перебродить ещё одной-двумя шутками, чтобы установить в классе раскованную и ненатянутую обстановку, – у нас будет, как говорят в таком случае французы, *clou de la saison* – гвоздь программы.

– Учитель, прекратите интригу, – попросил с улыбкой Накамура, пуская бланки по рядам. – Мне по статусу положено знать обо всех «гвоздях». Что вы там задумали?

– Я рассчитываю увидеть на нашем занятии ещё одного участника коллоквиума. Впрочем, не могу этого обещать наверняка. – Он запнулся и оглядел присутствующих. – К слову об участниках: кого-то нет?

– Рюу Сакаи сегодня попросил отгул, – ответил Накамура.

– Уже четвёртый за последний триместр, – напомнил Игараси. – Надеюсь, что моего вмешательства здесь не потребуется, и Рюу наверстает к экзамену упущенное.

– Я об этом позабочусь.

– Ну, что ж, буду полагаться в этом вопросе на тебя, и надеяться, что всё так и выйдет, – Хитоси поблагодарил помощника глазами, упиравшимися в бифокальные стёкла. – Пока же начнём лекцию. Итак, в прошлый раз мы остановились на Заратуштре из рода Спитама.

Хитоси взял в руки мел, подошёл к коричневой доске, намереваясь начать со сложных для написания упоминаемых имён.

– Сегодня продолжим говорить о нём и его 22-парградной Видевдаде...

В первом блок-корпусе университетского кампуса, начиная с двенадцати, было оживлённо. В углу у никелированных столов раздачи очередь круто переламывалась, уходя тонкой струйкой к кассам мимо густого сытного пара, поднимающегося от горячей пищи. Размышляя над тем, что лучше взять на десерт – сладкие шарики данго или печально известное пирожное манжу, от которого каждый год, как известно, кто-то, подавившись, умирает, Игараси-сан всё же отдал предпочтение опасной рисово-гречишной жвачке, подхватил поднос и порыскал глазами в поисках болтуна «Тараси» – Кобаяси. Имея тёплые, почти дружеские отношения с ректоратом, Игараси-сан смог перед обедом не только договориться о возможности привлечения бывшего абитуриента к коллоквиуму на аспирантском курсе, но и упробил руководство университета оказать Хасибу персональную протекцию, и через три месяца отправить ему повторно приглашение на пересдачу зимнего экзамена. Но радостную новость сообщать оказалось некому: в общежитии Игараси узнал, что со вчерашнего дня Хасиб не появлялся. Более того, сосед по комнате – коротышка в пёстрой майке, улыбающийся в пол и мучительно подбирающий слова на ломаном английском – сказал, что пропал не только Хасиб, но и его немногочисленные вещи. Оставалось разыскать Исами и выспросить его о судьбе ученика, но, как назло, и тот пропал.

Столовым помещениям Кобаяси, как и большинство студентов, мог предпочесть эспланаду, и разумно было бы поискать его снаружи. После сезона дождей многие проводили обеденное время на свежем воздухе под тенью пушистых кохий, заботливо высаженных практикантами агрономического факультета на эспланаде перед третьим корпусом – внушительным семиэтажным зданием университетской библиотеки с собственной лабораторией микрофильмирования, подземным книгохранилищем и фонограммархивом. Признаться, Хитоси тоже не очень-то хотел обедать в блок-корпусе столовой, которую перестраивали в прошлом году из-за обнаруженной трещины в стене, возможно, как-то связанной с сейсмической активностью в соседней префектуре Ибараки. В нагретом электропечами увлажнённом воздухе ещё ощущался запах свежего бетона. Местами столовая хранила следы не до конца законченного ремонта.

Оставив поднос и прихватив контейнеры с едой, Хитоси направился к выходу. На каменном парапете у фонтана, словно малые галчата на жердях, гомонили и смеялись вездесущие мальчишки и девочки, совсем не выглядевшие на свои семнадцать-двадцать лет. Они смачно

тянули из бутылок ледяной чай или «рамуне»¹⁰, шурясь от нестерпимо яркого солнца. Хитоси ещё раз обсмотрел прохожих, стараясь выцепить знакомое лицо. Взгляд, помимо воли, задержался на другой фигуре, вырванной вниманием из общего потока. Сильным шатуном толкнулся кадык, лицо и плечи передёрнула судорога. Взгляд упал на мужчину, примерно одного возраста с Хитоси, японца в голубой тенниске с мокрыми следами подмышками. Опёршись на ортопедическую трость, седой как лунь, по-птичьи склонял он набок голову, нерешительно мял полнеющими пальцами пилотку с красными кантами, иногда обмахивался ею и дожидаясь, когда Игараси обратит на него внимание. Очевидно, он следил за Игараси с того самого момента, как преподаватель вышел из столовой. Высокий, слишком рано убелённый седовласостью, он крупно выделялся в ювенальных роях. Его было невозможно не заметить. Встретившись глазами, японец кивнул и, хромя, двинулся наперерез.

– Охира-сан! – Хитоси поклонился обильно потеющему мужчине и сел на парапет. – Неужели служебная необходимость вас снова привела ко мне?

Хромота придавала движениям мужчины неуклюжую резкость, и он едва не опрокинул пробитый мелкими отверстиями, похожий на решётце стул, стоящий у фонтана. Игараси любезно придвинул его поближе и в предвкушении сытой трапезы провёл языком по сухим блеклым губам.

– Да уж, – сказал Охира, – у НПА¹¹ достаточно сотрудников, чтобы тратить их служебное время на прихотливых клиентов вроде вас.

– Я не набивался к вам в клиенты, комиссар, – улыбнулся Хитоси, подвигая к себе пластмассовый судок с закрытой крышечкой, украшенной орнаментом. – Вы обедали? Закажите суп в столовой, повар очень рекомендовал. По части приготовления мисо он непревзойдённый мастер!

– У меня от соевых бобов изжога, – скривился тот. – Впрочем, как от наших с вами препирательств тоже. Ваше бесстрашие меня не приводит в восхищение. Машина негодования запущена, и мы не в силах что-то противопоставить ей. Но! В нашей компетенции не допустить, чтобы в результате пострадали граждане Японии. Для этого я здесь!

– Как только, комиссар, вы осознаете те фундаментальные ценности, за которые ведётся бой, то поймёте, что эту машину остановить можно. Когда у каждого будет возможность ознакомиться с содержанием книги и высказать свою точку зрения, нетерпимость её ненавистников сойдёт на нет, просто потому, что многие из них поймут: получив исключительное право судить, они не имели для этого элементарных возможностей. Я считаю, что люди, в частности, японские читатели, должны иметь возможность судить сами, а не чтобы за них это делал Рухолла Мусави Хомейни или любой другой представитель власти с признаками тирании.

– Это всего лишь книга! – воскликнул комиссар. – И вы должны понимать, что дело, в конечном счёте, не в ней. Это неизбежно касается политики. Но даже не об этом речь. Ваше поведение, в первую очередь, недальновидно и безобразно по отношению к близким людям. Вы думаете, я переживаю за вас... или Мамору?

– Уж точно не он! Надеюсь, вы не притащили его с собой? – усмехнулся Игараси и шутливо оглядел себя со всех сторон, словно кто-то, в самом деле, мог прятаться в фонтане за его спиной.

– Японские налогоплательщики всё так же платят триста иен в час за вашу безопасность, которой вы пренебрегаете и упорно...

Хитоси набросился на суп и потому невнимательно, не глядя в сторону Охиры, отозвался:

– Это Мичико позвонила вам и велела провести со мной очередную воспитательную беседу?

¹⁰ популярная сладкая газировка.

¹¹ Национальное полицейское агентство, Главное управление полиции Японии.

– Что? – запнулся Охира. – Нет! Я действительно виделся сегодня утром с вашей женой, когда заехал за вами домой. Мы разминулись.

– Город Токио – большой город. Не всегда получается добраться до нужного места вовремя. Но вы могли бы позвонить!

– Это не телефонный разговор, – отмахнулся Охира. – Я добивался личной встречи, чтобы...

– ... чтобы, – нетерпеливо, но мягко перебил Хитоси, – в очередной раз напомнить мне о деньгах японских налогоплательщиков, которые из-за моей недалёковидности и безобразности, говоря вашими словами, уходят в никуда. Но я не вижу большой разницы между тем, ходит Мамору Канагава за мной по пятам или сидит в кобана¹², играя в го с напарником. Так или иначе, он получит свои триста иен, и польза для общества в обоих случаях будет одинаково сомнительна. Так?

– Играл с напарником? – переспросил Охира. – Если это подтвердится, Канагава получит выговор.

– Господин комиссар! – Хитоси отправил последнюю ложку мисо в рот и удовлетворённо отставил пустой судок. – Простите, но вы акцентируете своё внимание вовсе не на том. Я пытаюсь объяснить вам, что не нуждаюсь в опеке выпускника полицейской академии. Это смешно!

– Всё дело в том, что Канагава – выпускник академии? Вас это смущает?

– Будь он хоть трижды Пелсией!¹³ – воскликнул Хитоси, выставив перед собою палочки с гункан-маки и отправив рис с ломтиком лосося в рот. – Конечно, дело не в вашем подчинённом. Если мы хотим жить в открытом обществе – нам не следует бояться.

– Я не стал говорить вашей жене, но кое-что случилось. На прошлой неделе, в среду.

– Это связано с «Аятами»? – Игараси поднёс край бумажного стаканчика ко рту, но не отпил, а лишь смочил губы.

– Боюсь, что да, – ответил сдержанно Охира. – Издательство не связывалось с вами, так ведь?

– Нет.

– Они замолчали этот факт, чтобы не прикармливать панические настроения. Признаться, я и сам узнал только вчера. Досадная промашка пресс-службы.

– Да что случилось, комиссар? Говорите же!

– Третьего июля профессор драматургии из миланского театра Пикколо получил ножевое ранение в своей квартире в Леньяно. Его звали Этторе Каприоло. Вам знакомо это имя?

– Возможно, – задумчиво проговорил Игараси, пробуя несколько раз повторить непривычное имя. – Он был на моих лекциях?

– Нет, он не бывал в Японии, но я думал, вы могли бы знать друг друга, поскольку он, как и вы, занимался переводом.

– Вы говорите: «его звали»? – Хитоси попытался справиться с ломающимся дыханием.

– С ним всё в порядке, – поспешил успокоить Охира. – Он получил множество поверхностных ран, но его жизни в настоящий момент ничего не угрожает. Ему наложили швы и сделали операцию по сшиванию сухожилия пальца. На следующей неделе врачи обещали выписать Этторе из больницы.

– А кто был нападавшим?

– Полиция Милана не произвела никаких арестов и не выдвинула никаких версий о мотивах нападения.

– Почему вы тогда думаете, что это может иметь отношение к переводу?

¹² участковое отделение полиции.

¹³ отсылка к популярному в 80-х годах японскому сериалу «Волшебная фея Пелсия».

– Очевидно, это имеет самое прямое отношение! – резко осадил Охира. – Вчера из Милана по телетайпу я получил стенограмму допроса Каприоло. Согласно его показаниям, третьего числа около двух часов пополудни в театр позвонил мужчина, представившись сотрудником дипломатического ведомства. У говорящего был характерный арабский акцент. Хотя, по словам господина Каприоло, по-итальянски тот говорил весьма недурно. Сославшись на литературный интерес к... – Охира запнулся и потемнел лицом, недовольно покривившись своей забывчивости. Он пропустил руку в карман, чтобы подсмотреть в блокнот.

– «Харун и море историй», – подсказал Игараси.

Комиссар сверился с блокнотом и удивлённо посмотрел на преподавателя.

– Верно. Именно этот перевод Ахмеда Салмана Рушди профессор готовил для детского лингафонного центра в Риме. В дальнейшем он собирался предложить театру Пикколо поставить спектакль «Тысяча и одна история Харуна» для детей эмигрантов из стран Ближнего Востока. – Охира кончил читать и закрыл блокнот. – Откуда вы знаете?

– Мне знакомо имя профессора, потому что я читал его критический разбор «Харуна» в одном театроведческом журнале. – Хитоси задумчиво погладил ямочку на подбородке. – К сожалению, я не сразу вспомнил. Профессор определённо восхищался тем, что при всей пародийности произведения и его карикатурном подражании арабским сказкам, в историях Харуна есть место сатире и гротеску, не свойственные, скажем, «Книге тысяча и одной ночи», больше известной у нас в Японии, как «Сказки Шахразады».

– Не знаю, может быть! Я не читал. – Комиссар примирительно пожал плечами. – Я продолжу дальше?

– Да, пожалуйста.

Отставив мизинец, Игараси, сочно причмокивая, посасывал чаёк из бумажного стаканчика, будто из императорского фарфора. Взволновавшись на мгновение за жизнь чужого человека, он больше не выказывал своей встревоженности ни жестом, ни взглядом, ни поступком. Комиссару это безразличие показалось напускным, и он покривился оскорбительной самонадеянности собеседника, потому как назвать такое поведение недалёким или глупым он не мог – уличить в подобном крупнейшего в Японии востоковеда и специалиста в области арабистики, комиссару и в голову не приходило.

– Итак, – продолжал Охира, – звонивший заручился лингвистической поддержкой профессора в другом проекте Рушди, но не уточнил в каком. Вместо этого он потребовал встречи, но Этторе, сославшись на большую занятость, предложил направить ему на почту официальный запрос, на который он обещал в самом скором времени ответить. Собеседник согласился и уточнил адрес, на который можно было бы направить официальную почту из дипведомства. Этторе надиктовал свой домашний адрес в Леньяно, полагая, что в многочисленной театральной корреспонденции письмо могло бы затеряться.

Игараси жевал тягучий десерт и блаженно улыбался, словно и не слышал рассказа комиссара.

– Да, да, – сказал он с набитым ртом, отгоняя подозрение Охиры. – И что же было дальше?

– А дальше было то, – разозлился комиссар, – что вечером того же дня, возвращаясь к себе домой на улицу Куртатоне, владение тринадцать, квартира восемь, господин Каприоло столкнулся в дверях с неким иранцем, который насильно втокнул профессора в его квартиру и под угрозой физической расправы потребовал адрес Рушди. Не получив желаемого, иранец сперва избил профессора, а после пустил в ход нож для разделки рыбы, который прятал в рукаве. Он нанёс несколько неглубоких колотых ран и повредил сухожилие в районе правого запястья. После чего убежал, оставив истекающего кровью Каприоло на полу.

– Это любопытно, но почему, имея эти сведения, итальянская полиция безмолвствует?

Охира смял пилотку, которая лежала на коленях, и в сердцах стукнул пухлым кулаком по ней.

– Они не заинтересованы в огласке. Нападавший, похоже, действительно имел отношение к посольству Ирана в Риме. Во всяком случае, следы ведут туда.

– И всё же непонятно...

– Дипломатический иммунитет сотрудников иранской дипмиссии в Риме не позволяет предъявлять обвинение без весомых доказательств.

– Разве господин Этторе не смог бы опознать нападавшего человека?

– Конечно, Каприоло мог бы опознать нападавшего, но этого мало для доказательной базы.

– А больше улик, – заключил Хитоси, – у ваших итальянских коллег нет?

– Надо признать, – кивнул Охира, – иранец действовал профессионально.

– Профессионально? – с сомнением переспросил Хитоси. – Профессиональные убийцы не пользуются ножами для разделки рыбы.

– Полагаю, он не собирался убивать профессора, – возразил комиссар. – Только запугать! Смее думать, что нападавший не особо рассчитывал, что Каприоло выдаст сведения о месте нахождения Ахмеда. Всё общение Этторе с Рушди сводилось к переписке с правообладателем романа – организацией «Статья 19». У вас же, сразу после публичного объявления автором «Аятов» о своём возвращении к исламу, в декабре 90-го, завязались настолько тёплые отношения, что в деловой переписке вы даже называли его Джо – по кодовому имени, разработанном британским спецотделом, ведающим безопасностью королевской семьи и членов правительства, а с некоторых пор – и безопасностью одного из верноподданных королевы – сэра Салмана Рушди.

Он сузил глаза и внимательно посмотрел на собеседника.

– Сэмпай, вы тоже не знаете о месте нахождения автора «Шайтанских аятов»?

В тоне комиссара звучала виноватость за вопрос, но зрачки по-прежнему тлели неостывающими углями в узкой полосе между сдвинутыми веками. И он добавил:

– Вы вроде не тот человек, кому нужно объяснять, как важно не говорить лишнего.

– Вы, комиссар, только что раскрыли себя самым некрасивым, самым непристойным образом, – поморщился Хитоси. – Теперь мне становится понятней смысл фразы о том, что это неизбежно касается политики. Ну конечно! Вы боитесь не того, что какой-нибудь фанатик-одиночка в своём желании выцарапать проездной в исламский рай зайдёт так далёко, что исполнит карательную фетву¹⁴, а того, что в этом ему может оказать содействие гражданин Японии.

– Сэмпай, когда к горлу приставлен нож, выбор не так уж и велик, – тяжело, как камни, ворочая слова, проговорил Охира. – Но смее надеяться, подобной ситуации здесь, у нас, мы не допустим. Я прошу от вас немного: неукоснительного следования утверждённому протоколу безопасности, в рамках которого инспектор Мамору Канагава должен сопровождать вас. Вы не должны препятствовать ему! Кроме этого, с сегодняшнего дня в протокол внесён дополняющий пункт в части обеспечения систематического наблюдения за вашим домом. До особого распоряжения главы столичного департамента два полицейских наряда будут вести круглосуточное патрулирование вашего района.

– Всего мог ожидать от вас, комиссар, но это уже слишком. – Хитоси резко поднялся, стряхивая крошки.

– Как и вы, я отказываюсь мириться с тем, чтобы насилие определяло повестку дня. – Охира попытался перехватить Хитоси за руку. – Вопреки вашим словам, я осознаю ценности, за которые ведётся бой, но и знаю цену этому сражению. Мы не можем позволить стать ему

¹⁴ решение по какому-либо вопросу, основывающееся на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

тотальным, оно должно носить, в худшем случае, характер спарринга. Мы не можем допустить ещё один Бомбей¹⁵.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ходят слухи, что в Англию проникла группа боевиков, чтобы поквитаться с Ахмедом.

– Бросьте, комиссар! – отмахнулся Игараси. – Репутация британских мусульман в результате противостояния настолько сильно пострадала, что они первые же не допустят подобного сценария. Эти слухи не более чем жареные факты для жёлтой прессы, которые журналисты с удовольствием муссируют последние два года. Ваша пресс-служба действительно работает из ряда вон.

Он покачал головой и мягко освободил свою руку из цепкой хватки комиссара.

– Простите, Охира-сан. Вынужден вас оставить.

– Что вы думаете предпринимать? – раздосадованно бросил комиссар вслед уходящему Хитоси.

– Ровным счётом ничего! И я вот что думаю. Если ваши опасения имеют под собой почву хоть на долю процента и мне в самом деле стоит опасаться за себя, очевидно, что соображения японского правительства по этому вопросу должна быть компромиссными, но вот в чём дело! – Игараси удивлённо приподнял брови и посмотрел на комиссара. – Взаимными уступками Японии не добьётся преодоления разрыва между позицией исламистов и позицией Рушди. Всё, что происходит вокруг «Шайтанских аятов», – это следствие нежелания британского правительства вникать в вопросы отношений человека и бога. Всего лишь! Оно основано не столько на безразличии, сколько на скептицизме, точнее на серьёзных сомнениях в том, что кто-то может точно знать, в чём целеполагание исламской добродетели. А принципиальная позиция Джо, за которым я лично не вижу никакой вины, это признание всеобщей греховности, которая, как выясняется, более удобная отправная точка для первых робких шагов к нравственности и добродетельности, как это понимает он сам. Моральный кодекс и этические нормы как самого текста, так и текстологических аспектов перевода остаются на усмотрение благонаправности читающего – это не вопрос фетвы, это вопрос личных взаимоотношений человека и его бога.

– Я не могу спорить с вами, потому что это вне пределов моей компетенции, – горько усмехнулся Охира. – Я консервативный буддист и считаю Будду человеком, а это значит, что я отвергаю бога как саму идею. Кроме того, считаю молитвы бесполезным времяпровождением. Нет никакого смысла молиться богам или одному богу – не услышит. Нет существа, которое обладало бы всемогуществом. Не бог создаёт живых существ, они сами создают себя, преисполненные инстинктом смерти, который есть не что иное, как гипертрофированная жажда жизни.

– Обращать свои молитвы к тому, кто не услышит – к Богу – значит, прежде всего, обращаться к самому себе. Возможно, вас именно это и смущает, комиссар?

– Не больше вашего, сэмпай. Не больше вашего...

Где-то на этажах запущенного, усталого здания прошелестел лифт. Недалеко стукнула швабра, загремело ведро. Хитоси снял очки, прикрыл глаза и размассировал глазные яблоки. С секунду сидел неподвижно, после распахнул пошире веки и поводил зрачками из стороны в сторону. Случайным образом он выхватил зрением полосатый диван, кресла для читателей и сияющие полиролью в свете ламп поверхности книжных стеллажей. Книги на них были выстроены аккуратными рядами. Такими же рядами – добросовестно точными и тща-

¹⁵ 24 февраля 1989 г. во время уличных протестов и публичных сожжений книги Рушди в результате столкновения с полицией в Бомбее погибли 12 человек.

тельно подобранными в линию – стояли столы, между которых тянулись утоптаные ковровые дорожки. За одним из них – дальним – сидел он.

Если уборщик приступил к наведению порядка, значит, Игараси снова засиделся до закрытия. Преподаватель мельком взглянул на часы и ахнул: четверть десятого. Читальный зал закрывается в семь, но библиотека в восемь, и обычно Хитоси просит библиотекаря доработать этот час. Госпожа Кавамура однажды мягко попеняла преподавателя и обозвала его дзоку – мятежником – за нежелание считаться с утверждённым графиком. Впрочем, проработав за конторкой без малого полвека, она питала явные симпатии к библиотечным книгоедом, и сама до ужаса боялась вырваться из плена списка, рекомендованного к чтению. Любимчиками Кавамуры были Дзюньити, Иноуэ, Кафу, Мураками – Харуки и Рю, хотя последнего чаще ругала, но делала это с пиететом, что было очевидно: нравится, нравится до немилосердного, отчаянного злоупотребления! Игараси-сан получал в связи с этим преференции, не в последнюю очередь и потому, что разделял с Кавамурой её всепоглощающую, ностальгирующую страсть ко «Всеим оттенкам голубого»¹⁶.

Здание библиотеки Игараси посещал обыкновенно регулярно, частенько засиживался на последнем этаже фонетического класса и транскрибировал на кандзи микрофиши с клинописными табличками, собирая материал для книги о древнеперсидской империи Ахеменидов. Иногда этажом ниже, как сегодня, он вычитывал в читальном зале рукопись, сверяясь с библиотечными источниками и внося необходимые правки.

Он засобирался. Торопливо нацепил очки обратно на нос, закрыл пухлую от прописи тетрадь, отправив её в портфель, и сложил на край стола стопкой книги. Придётся, промелькнула мысль, упрашивать охранника выпустить его через эвакуационный выход – главный закрывается снаружи и отпереть изнутри его никак нельзя. Если он поторопится, то ещё успеет к десяти на ужин, раньше, чем Мичико начнёт метать в него молнии: она очень не любила, когда муж засиживался на работе допоздна. Впрочем, её гнев можно смягчить предварительным звонком.

Под торшером на журнальном столике стоял старый телефон с дисковым набором, и Хитоси посеменял к нему, смахнув со спинки пиджак, прихватив портфель. Он набрал домашний номер, но в трубке послышались короткие гудки. Ловить, когда освободится линия, Игараси не стал, рискуя опоздать на поезд. Он вдруг услышал два сложно различимых хрупящих звука: так снег ложится ровным слоем на валежник или скрипит после стирки свитер. Игараси обернулся на этот звук, полагая увидеть полотёра или, в крайнем случае, госпожу Кавамуру, которая могла бы вернуться в столь поздний час, оставив по привычке ключи от дома, как это случалось иногда с её ранним Альцгеймером.

Игараси-сан ошибался: вошедший не был университетским сотрудником. Это была крепко скроенная фигура юноши арабского происхождения, который цепким взглядом обмеривал Хитоси. На лице юноши блуждала кривая, соскальзывающая с губ полуулыбка человека, знающего себе цену. Игараси не понимал как, но сразу понял: перед ним стоит Хасиб. Эта догадка не вызывала у него сомнений, хотя молодого человека он видел впервые в жизни. Игараси поднялся с кресла и твёрдым шагом направился к нему.

Пакистанцы – это больше десяти народностей, которые по-разному выглядят, по-разному одеваются и говорят на совершенно разных языках. Жители разных частей страны похожи между собой примерно так же, как японцы и европейцы, то есть – никак. Живущие на севере, близ границы с Индией, имеют светлые глаза и волосы, их фенотип вполне сошёл бы за европеоидный. Если опуститься вдоль этих же границ южнее – белая кожа посмуглеет, серозелёные и серо-голубые глаза превратятся в карие и чёрные, и появятся черты типичных представителей ирано-афганской этнографии. На юго-восточной окраине Иранского нагорья и на побережье Аравийского моря эти черты становятся настолько выразительными, что внеш-

¹⁶ дебютный роман Рю Мураками, за который писатель был удостоен престижной литературной премии Акутагавы.

ность стоящего перед тобою человека не вызывает никаких сомнений – араб. Во внешности смуглого, с кудрявыми волосами и густой бородой юноши всё подчёркивало его иранские корни. В своём размеренном дыхании он плавно опускал и поднимал рёбра, обросшие жилами угрюмой силы. Иранец был крупным для своих лет, и хотя хмурое лицо его ещё хранило детские черты, затёртые ранней возмужалостью неокончательно, тело, давно подвластное отроческому перелому, пускало соки могучести и обрастало великолепной геркулесовой мускулатурой. Рельефы мышц легко угадывались через тунику, которую Хитоси вначале принял за рубашку широкого покроя. Вырез горловины был драпирован шёлковой полоской и напоминал хомут, из-за которого владельцу в ней было невероятно душно. Обильный пот, как от простудного жара, выступал на лбу юноши, наполовину прикрытый всклокоченной пегой шевелюрой. Чёрные, близко посаженные глаза излучали безмолвный интерес.

– Коннитива, – произнёс традиционное приветствие на японском Хитоси. – Ты Хасиб, верно?

Сам вопрос Игараси задал на английском, имеющий в Белуджистане, на родине Хасиба, статус официального, и, получив утвердительный кивок, уточнил:

– Говоришь по-японски?

– Не достаточно хорошо для вас, мистер.

– Для меня? – немного удивился Хитоси. – Очки рискованно сидели на кончике его мясистого носа. Он продолжил на английском: – Кобаяси-сан сказал, что ты хотел говорить со мной.

– О чём?

– Не знаю. Может, о зендских книгах?

– Уж точно не с вами, мистер, – хмыкнул Хасиб. В тоне юноши послышалась ирония.

– Твой скепсис мне понятен, – кивнул преподаватель и благосклонно улыбнулся. Наверное, ты думаешь: что японец может рассказать гебру о его культуре? Может, ты и прав. Может, мне есть смысл выслушать тебя, но, я думаю, каждому из нас есть что сказать друг другу.

– Вы были частью уммы?¹⁷ – без явной связи с предыдущим неожиданно задал свой вопрос Хасиб.

– Откуда знаешь? – Хитоси не скрывал своего удивления.

– Интернет.

– Любопытно. Там и про меня можно найти?

– Про всех, – кивнул Хасиб. – За ним будущее.

– Ну, что ж, во всяком случае, это удобно, – согласился Игараси, – но, боюсь, мне никогда не подружиться с этой технологией: я для неё консервативен, да и староват. Предпочитаю узнавать про всех из библиотечных фондов. По старинке.

Хитоси замолчал и поморщил лоб, став похожим на актёра Бельмондо.

– Я был примерно твоих лет, когда уехал из страны, – сказал он. – Пересёк море и пустыню, чтобы произнести слова шахады¹⁸ и принять ислам. Я слушал призывы муэдзина с вершины минарета и совершал намаз, ежедневно подчиняя свою волю воле имама и Аллаха. Две тысячи дней я делил с общиной еду, кров и саджаду, прежде чем вернулся на родину.

– И вы отошли от веры?

– Нет, не думаю. Я по-прежнему являюсь правоверным мусульманином. Не отрицаю существование Аллаха и не держу намерения стать кяфуром¹⁹. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я вероотступник. Я отрёкся от Аллаха, и мои молитвы обращены теперь к другому Богу.

¹⁷ мусульманская религиозная община.

¹⁸ первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой Единобожия «Нет бога, кроме Единого Господа, Мухаммад – Его посланник».

¹⁹ иноверец с точки зрения любого мусульманина.

– К Ормазду²⁰, – догадался Хитоси. – Но зачем, Хасиб? То есть я хотел спросить, слепа ли твоя вера?

– Слепа? Что это значит?

– Иногда неофит оказывается вернее и прочнее убеждён в своей вере, чем самый усердный богомольник. Потому что его вера безотчётна и бессознательна.

Хасиб неопределённо пожал плечами.

– Моих родителей, правомерных мусульман, затоптали насмерть во время празднования дня рождения пророка Мухаммада, когда мне было пять. Я сирота и воспитывался чужими людьми, признававшими другого бога. Они не пытались склонить меня насильно к своей вере. На иртидад²¹ я решился сам в день своего совершеннолетия.

Игараси вздрогнул. Он не собирался заходить так далеко в откровениях со странным юношей, испытывающим его вопросами, но помимо воли захотел поделиться и своей историей, которую редко кому рассказывал.

– Хасиб, у нас с тобой много общего! Знаешь, когда моя семья бежала из горящей, разрушенной землетрясением Ниигаты в Токио, я никак не мог принять новый порядок вещей, например такой, как муниципальное жильё или статус беженца. Это казалось чем-то порождённым больным воображением или дурной фантазией. Но нет: это происходило с нами, с моей семьёй. Отец уверял всё будет хорошо, есть помощь от государства, ведь мы были не одни такие. Первые четыре года государство нас брало на поруки: поддерживало пособиями и социальной жилплощадью. Предполагалось, что за это время мы решим вопрос с доходами и собственным жильём. Но отцу отчаянно не везло с работой, а жизнь в Токио очень дорогая. Я помогал семье случайными приработками, потом устроился в порт. Мне предложили пройти курсы водителя погрузчика и подписать трудовой контракт. Конечно, такая работа не была работой мечты, но у меня толком не было образования. Обременённый долгами отец нуждался в моей помощи, так что пришлось на время забыть и про учёбу, и про карьеру. За четыре года мы не накопили на квартиру. Хотя я работал по пятьдесят часов в неделю, мы были вынуждены заключить договор пожизненной ренты и перебраться в труппные кварталы. Родителям не суждено там было встретить старость. Я нашёл их мёртвыми однажды, вернувшись с ночной смены. Полиция сказала, всё дело в неверно отрегулированной печи. Они отравились угарным газом. Я решился уехать только через год, когда истёк срок моего контракта. Просто сел на пароход с мигрантами-арабами, с которыми в порту водил знакомство. Их виза подходила к концу, они возвращались к своим семьям на родину.

– И вы поехали с ними?

– Звучит дико? – горько усмехнулся Хитоси. – Я дал себе зарок никогда не возвращаться в Токио. Решил начать жизнь с чистого листа, поменять всё – страну, язык, даже собственного бога. Но жизнь заставила забрать свои слова обратно: именно в Токио семь лет спустя мне предстояло встретить женщину и связать наши жизни браком.

Он запнулся, словно налетел на стену с разбегу. Только сейчас до него дошла нелепость места и времени их встречи.

– Хасиб, как тебя пропустили внутрь? Библиотека ведь закрыта.

Он судорожно взглянул на часы, отмечая про себя, что ещё успеет на автобус, если прямо сейчас вызовет лифт и припустит бегом к пешеходным турникетам на выходе из кампуса, от которых через пять с четвертью минут отправится до синкансэна рейсовый автобус. Хитоси даже развеселила мысль, что, как и утром, он будет бороться за драгоценные секунды и право не остаться у пустынного перрона.

²⁰ Ормазд или Ормузд – «Господь Мудрый», используется в гимнах пророка Заратуштры, а вслед за ним и в молитвах всех заратуштрийцев.

²¹ отступничество в исламе, переход из одного состояния в другое.

– Идём! – Хитоси не стал дожидаться ответа на вопрос. Он поманил Хасиба за собой, указав на лифт. – Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с охраной. К тому же, я опаздываю на поезд, и, если ты хочешь поговорить о зороастризме и исламе, мы можем продолжить беседу в рамках семинара или коллоквиума. Приходи завтра на мои занятия, я обо всём позаботился...

– Завтра не смогу, – покачал головой Хасиб.

– Виза, – догадался Хитоси. – Когда истекает её срок?

– Сегодня. Знаете, мистер, что это значит?

– Если в течение трёх следующих дней ты не покинешь страну, то окажешься нелегалом и будешь депортирован, – больше для себя, чем для Хасиба, пояснил Хитоси. Он привычным движением поправил очки. – У меня есть для тебя хорошие новости!

– У меня для вас тоже, мистер. Аллах любит нас!

Античным жестом Хасиб указал на потолок и произнёс всего одно короткое слово: – Даретра.

Сказано было это на пехлеви и означало – могло бы означать – «читать». Впрочем, могло бы означать и «писать», которое в произношении было очень схожим и проговаривалось с небольшим смягчением первой согласной, которое в зависимости от темпоритма произносящий мог саботировать. В общем смысле слово можно было трактовать и вовсе иначе: как глагольную форму «запомнить» или как существительное – «запоминание». Всё зависело от контекста, но контекста не было. Было только слово, и это слово произнёс Хасиб.

Лифт звякнул колокольчиком, оповещая о приближении, и двери бесшумно откатились в сторону, приглашая внутрь.

– Я не понимаю тебя. – Он в нерешительности замер в дверях лифта и посмотрел на юношу.

– Даретра, – повторил Хасиб и полоснул преподавателя шаветтом для бритья, который прятал всё это время в рукаве.

Первый удар пришёлся по лицу наискосок от правой скулы до нижней челюсти. Это было словно соскользнувшая пощёчина: Хасиб колебался, несмотря на всю свою внешнюю твёрдость и решимость. Не от боли, но от неожиданности Хитоси выронил портфель и почувствовал, как воротник кремовой рубашки, напиваясь кровью, неприятно налипает к шее. В удивлении он провёл ладонью по лицу, размазывая теплую, густеющую кровь, и удивлённо посмотрел на ударившего его Хасиба. Дальше всё происходило быстро. Игараси попытался оттолкнуть Хасиба и выбежать из кабины на этаж, но гебр, физически более крепкий, чем рыхловатый, уже немного оплывающий без регулярных физических нагрузок Хитоси, оттеснил преподавателя обратно и швырнул его к панели управления, покрытой оспинами кнопок. Понимая, что из лифта ему уже не выбраться, заляпанными кровью пальцами Игараси вдавил в панель кнопку с цифрой 7 – в фонетическом классе на седьмом сейчас находился уборщик. Хитоси слышал его и знал, что тот начинал уборку сверху вниз, с последнего этажа до первого, сдавая ближе к утру ключи и инвентарь охране.

Электроника мелодично согласилась с выбором пассажира и двери медленно поползли на место, отсекая палача и жертву от внешнего мира.

– Всем воздаст Всевышний на том свете по его личным качествам, грехам и добродетелям! – порывисто сказал Хасиб. – Аллах помнит всё хорошее и всё плохое. Покаявшихся он принимает в своё лоно с радостью, как принял и меня, когда я оступился и выбрал неверный путь. Гнев правоверных мусульман велик, но велика их щедрость и щедрость Шариата! У нас с вами, мистер, общее только одно. Вы такой же муртад²², как и я. Но вы поколебали свою веру не отрицанием существования Аллаха, а клеветой на него и его пророков. Вы оскорбили ислам,

²² совершившего иртидад называют муртадом.

Коран и сунну. Вы мусульманин и знаете не хуже моего, как Шариат предписывает поступать с муртадами. Это самый страшный грех и за него положен смертный приговор. Аллах великодушен ко мне, но он не может быть великодушным к вам после ифты аятоллы.

Задыхаясь от переполнявших его чувств, Хасиб ударил снова. Легенда ножевого мира «Золинген» – с безупречной репутацией самого надёжного и острого – по размерам был не больше мастихина, но в руках Хасиба он был столь же грозен и опасен, как нож-наваха в руке испанского головореза. Второй удар, и третий, и четвёртый последовали без промедления. В отличие от первого, пробивающего не столько бледную кожу жертвы, сколько собственный страх палача, все последующие были чётко выверены в область шеи. Хасиб бил, стараясь попасть в сонную артерию. На крайний раз ему удалось. Пробитая, вместе с заде-той и порванной трахеей, она зафонтанировала. Игараси-сан в припадке и агонии, хватаясь за горло, зашатался, потерял точку опоры и, поскользнувшись в луже крови, полетел на рифлёный пол. Тогда он закричал, пытаясь призвать на помощь, но крик вышел визгливым, слабым, каким-то чересчур коротким и предсмертным. Ещё не убеждение, но осознание того что он умрёт в ближайшую минуту-две, кольнуло его истощенной и мучительно-цинготной мыслью. Как недомогание, мыслячка хронически проникла в уголки пока ещё живого, здравомыслящего мозга.

Двери лифта распахнулись и Хасиб стремительно развернулся, готовый ко всему. В нескольких шагах от него, стоя спиной, человек в рабочем комбинезоне водил раструбом работающего пылесоса по ковровому покрытию. Он был в наушниках, а на поясе болтался кассетный «Волкмен». Уборщик был поглощён не столько работой, сколько музыкой, дёргаясь в такт ей. Хасиб пригладил бороду, опустил готовый пустить в ход шаветт и потянулся к панели управления. Лифт тихо затворил створки и опустился ниже, дёрнулся, подвывая стопорным электродвигателем, и застыл между вторым и третьим этажами. К этому моменту Игараси-сан уже не подавал признаков жизни. Знал ли это Хасиб, методично пуская бритву в ход, кромсая лицо и шею своей жертвы? За всё время он больше не проронил ни слова, ни единого звука не слетело с его уст.

Спустя какое-то время через эвакуационный выход он незаметно покинул здание библиотеки, оставив остывающее тело. Ещё через пять часов, когда уборщик обнаружит его в лифте, вновь инициированный мусульманин Хасиб ибн Сахим будет пролетать над Индийским океаном, возвращаясь домой помилованным за исполненную фетву казнить любого осведомлённого о содержании «Аятов». Он будет шептать её слова, заученные наизусть, не подозревая о своём ближайшем будущем. В песках пустыни Маранджаб зендского кяфура будет ждать участь его жертвы.

Глава 2. LemON/OFF

Подумать только – дисконнект в такой момент! Мало, что зерг раш прошёл с потерями в клан варе, а рейд уже был признан официально срезанным, теперь ещё и это. Кто поверит, что он, Кондрат Непобедимый, тупо слился сервером, а не ливнул во время файтинга.

– Реконект! – жалобно пискнул Ваня Кондрашин, в геймерском мире более известный как Кондрат Непобедимый. – Реконект, мать вашу!

Ваня, пропитываясь смыслом проговорённого вслух, ослабил хватку джойпада и уронил в бессилии голову на грудь. Слепящие зенки браузеров, все, как один, выдали мольбу о восстановлении утраченного соединения.

Ярко освещённое безликое помещение сетевого клуба с множеством компьютерных столов, когда-то скомплектованных в три ряда, а ныне рассыпанных в шахматном порядке, набухало нервотрёпкой. Шевелящийся базар с центрическими волнами недовольных ворчаный-шепотков, заставил выплыть из зоны служебных помещений, огороженных рекламным баннером, крупного роскошного кавказца. Не вынимая рук из карманов распахнутой дублёнки, он польхнул глазами в причёсанного на пробор интеллигентного студента с беджиком «Администратор» на груди, осаждая его взволнованную, но малопонятную речь.

– Зачём оправдываешься? – с каменным лицом возразил сын гор. – Видишь, клиентура волнуется. Так нэхорошо. Ты дэлай хорошо.

За пятнадцать лет московской ассимиляции Махамбет утратил не способность презирать проявление слабости русских, но свой взрывчатый характер, изрядно мешающий с трудом налаженному бизнесу. Поэтому он ровно с тем же выражением лица с которым начал, вздёрнул мизинец с печатным перстнем вверх, заставляя сисадмина прислушаться к окрикам ретивой «клиентуры».

– Ты дэлай хорошо, – повторил он, словно мантру напутствие.

Студент совсем раздёргал свой носовой платок, прикладывая его к взопревшим щекам и лбу. «Клиентура» была, в самом деле, беспокойна. Но не все сотрясали воздух нецензурным возмущением. Были и те, кто трагедию поверженного интернета переживал втихомолку. Среди таких тихонь особенно трагично, в застойном вдохновении, тревожилась некая особа, засевшая за дальнюю машину час или два назад. Её тяжёлые пышные волосы, приподнятые вверх, были уложены античным узлом с пропущенными сквозь него крест-накрест двумя шестигранниками кохиноровских карандашей. Прямая, бледная и серьёзная, в брючках в облик, в тренчкоте из струящегося крепа, надетом поверх хаотически весёлой майки с паттернами мышонка Мауса, она пыталась скрыть растерянность, поминутно обращая взор к мерцающему монитору, проверяла сеть.

Когда молодая женщина, загораживая собою подорванное ржавчиной мартовское небо, появилась в дверях интернет-кафе «LemON», из присутствующих никто не обратил на неё внимания. Все были поглощены оптоволоконным носителем великой добродетели. Все, кроме Махамбета, с мрачным автоматизмом долбящего с десяти утра системы наблюдения в комнатке два на четыре, наполовину заваленной коробками из-под системных блоков. После пятничного намаза Маха собирался оставить столицу и до понедельника вписаться в «Горках» с одной пресимпатичной осетинкой. Но потоптаться по ковровым дорожкам усадьбы, принадлежащей когда-то вдове мецената Морозова, а ныне ставшей весёлой подмосковной блатхатой, оказалось не судьба. Семя требовал личного присутствия на воскресенье и даже обещал навеститься.

После перехода под «синюю крышу», которую Махамбету навязали его новые русские друзья, майор Костолевский стал очень дружен с управляющим «LemONa». Вообще, на языке майора это означало «смольнуть в разработку». Концентрация дружбы нарастала к крайнему воскресенью любого месяца – именно в этот день Семён со свитой из двух-трёх подчинённых

заезжал в клуб за данью. Обещание майора навестить в неурочное воскресенье, спустя всего неделю после очередного визита, сильно разозлило Махамбета. Костолевский это почувствовал, запанибратски взял предпринимателя под руку и нашептал короткую ремарку: «Выборы, Маха. Надо бдить».

Перечить майору милиции Махамбет не стал, хотя на ментовскую паранойю не купился. Какой сценарий может случиться в его «лимонаднике»? Он даже охрану не держал: посещали клуб в основном геймеры-тинейджеры с глазами, подёрнутыми плёнкой. За этим маслом был только фанатизм игры. Он откровенно подрастравливал их. Они жили так, словно хотели устать до смерти, но это у них никак не получалось. У них не было на это сил, разве что совсем немного, чтобы наклеить себе мышью симулятивную подделку. Нынешнему поколению вообще ничего не надо и ничего не хочется, кроме, конечно, оптоволокну и стриминговых сервисов. Маха помнил себя в их возрасте. Ему было тесно в Осетии, он очень скоро начал задыхаться. Командные высоты свободолюбивого Кавказа давно уж были поделены и заняты. Он помнил слова отца, часто повторявшего: «мы люди дела – без дела себя не мыслим». Пятнадцатилетнему Махе было приятно включать себя в это «мы», но он ясно понимал, хорошее дело в Ардоне ему не светит: если он останется, то будет до седых волос «поди-подай». Такой вариант его мало устраивал. А этих молодых, их, похоже, всё устраивает. Готовы ли они по молодости выпиливать и поднимать задачи, которые выпиливал и поднимал по молодости Маха?

Что стало с молодыми? Оба его сына – одному пять, другому восемь – тоже зачарованы виртуальной вакханалией и требуют от мира только сетевого подключения. А как же власть и деньги? Нет, люди, конечно, любят не столько власть, сколько значительность, не столько деньги, сколько возможности, и желторотый молодняк – не исключение. За путинские годы ценности, конечно, сбились, но не настолько же. Просто нужны кризисы другой природы. У подростков какие нынче кризисы? Плохой движок игры? Бан за читы? Ошибка 404? Нет, всё-таки не те времена, не те кризисы. Заявлять о себе – отстаивать права или сражаться за свободу – теперь придётся в интернете, а уходить из дома надо было в девяносто третьем. Эти ребята просто опоздали родиться лет этак на...

Стул закрипел под грузным телом Махамбета, от долгого сидения превратившись в одну сплошную бесчувственную сливу. Он сухо щёлкнул позвонками, раскидав махом головы застоявшийся, запревший воздух. Его поступок, поступок осетинского парнишки, бежавшего ночью из Ардона, из дома родителей в Москву – с рюкзаком на одном плече, в вызывающей майке с профилем «калашникова» – был приправлен солидной порцией безрассудности. Москва не спешила признавать в нём своего. Да, не обошлось без фанатизма, но то был фанатизм особый – с мощью воображения взрослеющего человека, теряющего веру в свой народ и государство. Всё было в той гремучей смеси: и абсурд, и ужас, и восхищение, и свет, и жар, и звук.

После октябрьских событий 93-го Маха осел у друга отца, цветочного барона Баги, подмявшего под себя похоронно-ритуальный сектор бизнеса. Махамбет домой вернулся лишь однажды – на два коротких дождливых дня – почтить память тех, кого расстреливали и взрывали в десятке километров от Ардона – в школе №1 городского поселения Беслан. Уже во Внуково его настигло другое страшное известие. Новость прилетела от Баги, а тот услышал её от «транзитного» приятеля, очевидца событий. Бага привёз с собою каллы, жутко дефицитные из-за повышенного спроса в сентябрьские дни памятного года. Он лично подготовил две цветочные корзины с траурными лентами, доставил их в аэропорт и решил вопрос с багажной службой, чтобы цветы гарантированно приземлились во Владике тем же бортом, которым летел Махамбет.

По приземлении Маха поймал бомбилу и направился на рынок. Купил живого барана, обвязал верёвкой его лапы и морду и двинул на машине дальше, в Ардон, на муниципальное кладбище. Терпеливо выискивал свежий холм земли, а когда нашёл, возложил одну из корзин

на общую могилу родителей. Зарезал жертвенное животное и долго скорбел по покойным. Да будет им благодать мертвых, в чью страну они отправились! И пусть они с того света благодетельствуют тем, кого оставили здесь. Иншаллах!

Другую корзину он отвёз к зданию школы, у дырявых стен которой, среди сотен огоньков зажжённых свечей, убедился в одной бесспорной истине – настоящим заявлением в поствоенном мире был и остаётся акт террора. Слово жуткий кадр чернушного кино, которое показывают без предупреждения – истина о мире и некая тайна, которую мы не хотим знать. На этот раз тридцатилетнему Махе было неприятно включать себя в «мы», но он решительно не мог с этим ничего поделать, с этим оставалось только жить. Отца убили в собственном дворе при «зачистке» района, после штурма школы. Мать, не выдержав, умерла на следующий день, так не успев сообщить новость сыну: остановилось сердце. Вопросы о причастности отца остались открытыми, как и история его жизни с бесконечными недомолвками, замешательством и многоточием. Маха предпочёл отстраниться от этих мыслей. Так проще, когда ты в чём-то совершенно не уверен. Махамбет тогда не был ни в чём уверен. В отличие от спецслужб. Спецслужбы, у которых тотально нездоровая страсть к плохим новостям, катастрофам и убийствам, расставили всё в нужных пропорциях и сбалансировали истерию и народный самоподзавод. Вот и появление майора Костолевского в жизни осетинского переселенца, кровными узами связанного с пособниками террористам, Махамбет расценил как неизбежный процесс в создании и обслуге посттравматического психоза общества. Маха не знал, чего от него ждала система – преображения, кремниевой верности? Может быть. Сам майор, аккредитованный действовать от имени системы, очевидно, глубоко плевал на эту систему с высокой колокольни и ожидал получать бенефиции и пользы не только обтирая казённые штаны о казёные же стулья, но и «смоляя в разработку» таких штемпов, как Махамбет. Тем и жил.

Так что Маха с хорошим показателем по дисциплине решил не портить своей репутации мелкого, покладистого коммерсанта, не уличённого ни в чём дурном. Исправно отменил визит в «Горки», запасся банкой растворимого Pele и с утра помчал в свой «лимонадник». Бдящий без малого три часа, он плотоядно ухмыльнулся, вернее, слегка распустил рот под уходящими в бороду усами, когда заметил блондинистую особу с повадками молодой табунной лошади. Молодая женщина, на вид лет двадцати семи-восьми, озиралась всё время по сторонам и как-то дёргалась, будто охваченная нервозностью на грани паники. «Такую я бы оседлал без узды и выездки» – подумал он и распахнул на весь экран одно из девяти превью-окон, внимательно всмотрелся в силуэт русской чаровницы. В руках гостьи покоился крафтовый свёрток, из которого сиротливо торчала белокурая головка куклы. «Русская чаровница» словно почувствовала на себе тяжёлый взгляд невидимого наблюдателя, мельком взглянула в глазок центральной камеры и попросилась за дальний компьютер в «слепую» зону. Маха разочарованно крикнул и потерял интерес в посетительнице, переключившись на телевизионный облик обаятельной Андреевой, где ведущая с наигранным энтузиазмом сообщала о рекордной явке избирателей в Москве.

Между тем гостья заполнила формуляр посетителя, где требовалось указывать фамилию и имя. На этот случай у неё был припасён свой вариант. Зная, что данные не сверяют с паспортными, она бессовестно вписала в бланк: «Бесфамильная Эмилия». Легко и как-то слишком поспешно она одобрила подобный вариант, решив, что для её подопечной это недурной шанс выбиться в люди. Эмилией звали эльфоподобную куклу в комплектации фулсет – с макияжем, париком, одеждой, обувью и даже бижутерией в форме четырёхлистника на тоненькой цепочке. Она была коллекционной штучкой, выкупленной в честных торгах на треть дешевле заявленного прайса. Нэнси, принимая коллекционную лимитку из рук «мамы» в квартире на Басманном переулке, недоумевала, размышляя над вопросом, зачем люди вообще что-либо коллекционируют. Однозначного ответа не смогла бы дать сама пермская подруга, Нэнсина соседка по лестничной клетке, заказавшая в Москве игрушку. Как и любое коллекционирование, заня-

тие это довольно бесполезное для окружающих, но чрезвычайно важное для самого коллекционера.

Нэнси скрывала своё имя. Впрочем, даже имя Нэнси не было её настоящим именем. Она была многолика как бог Янус. Правда, у героя древнеримской мифологии было всего два лица, у Нэнси – больше. Настоящее имя – Аня – как-то не прижилось с самого начала. Никто кроме родных её так не называл. Ближе всего к первоисточнику подошёл классный руководитель из родной тридцатой школы, повёрнутый на классической литературе. Капитон Моисеевич называл её на булгаковский манер – Аннушкой. Надо признать, это имя как нельзя кстати подходило к её певучему тембру, грустным глазам и чуть приподнятой – как у ребёнка – верхней губе. Остальные учителя вовсе пренебрегали именем девочки, всё чаще делая акцент на её фамилии. Очевидно, это объяснялось тем, что в классе было четыре Ани и только одна Окунева. Одноклассники из тех же побуждений (исключительно чтобы не путаться) называли её ласково Окунёк. В одиннадцатом Окунёк обернулся благообразной Энни, чему способствовал и немало социальный статус её нового друга Жоры Сергачёва – сильного администратора и неформального лидера их класса. Это имя прижилось и стало как литое. Домашние подхватили традицию, однако часто опускались до привычного их слуху – Анни. Но если пермские друзья знали её как Энни, то для питерских она была и навсегда останется без всяких предысторий и отсылок Нэнси, просто потому, что так её представила тусовке Ленка. Почему Нэнси? История умалчивает, но, возможно, всему виной Милдред Бенсон. Во всяком случае, Нэнси против не имела ничего, ведь и она когда-то взахлёб читала книжки о похождениях юной детектессы Дрю.

Администратор – студент, причёсанный на косой пробор, с одноимённой табличкой на груди – предложил выбрать свободную машину, распаролил запись и выдал интернет. Нэнси поблагодарила лёгким вежливым кивком, заказала сок манго, предложенный ей, и терпеливо выждала, пока заказ исполнят, только потом углубилась в монитор.

Кукольное украшение в виде кулона сине-зелёного клеверного лепестка на поверку оказалось стилизованным флеш-накопителем. Эмилия, скрестив под полиуретановыми грудками полиуретановые ручки, сделала вид, что не заметила, как её лишают драгоценности, однако Нэнси показалось, что в печальных немигающих глазах застыл немой укор. Кулончик утонул в зеве usb-порта, и на рабочий стол выкатился файл-контейнер с архивированным каталогом. Распаковав архив, она принялась за работу. Да, в её планы, в противовес соседям, не входило доводить персонажа до левел капа, охотиться на нубов или гоняться за ачивментами на сетевых просторах Counter-Strike. Отпивая короткими глотками из высокого, похожего на лабораторную колбу стакана, она методично наводняла интернет безликой массой битов, пронесённых под секретом кукольной сообщницей.

«Файлзилла» дал зелёный свет, после того как Нэнси проверила залитые файлы офлайн. Всё работало! Всего один клик мыши, всего один «ок» отделял текст от важной сюжетной точки, формировавшей структуру летописи A.N.Owen. Ок? Шестнадцать версий происхождения двухбуквенной аббревиатуры, позаимствованной неведомо из какого языка, не могли теперь вместить в себя весь грандиозный смысл, который в неё вкладывался: О.К. символизировал броневилок истории с его стальной трибуной. Обречённые победители в эпоху исчерпаемости. Ок! Дело сделано – и кнопка кликнута.

Гиперчувствительные проводники тока и света – многожильные медные нити и оптические волноводы – подхватили материю текста, разбитую на электроны и фотоны, и понесли со скоростью триста километров в миллисекунду к провайдеру, на серверы и дальше, проникая в домашние компьютеры, смартфоны и ноутбуки. Ничем особенным этот исторический момент отмечен не был. Разве что бесстыдно моргнул экран раз или два, уступая дорогу служебной информации с кодом ошибки подключения. К нему добавился бесполезный трёп о необходи-

мости проверить кабель, перенастроить абонентское устройство или, в конце концов, обратиться в службу технической поддержки.

На подхвате у случая Нэнси вся дёрнулась, цокнула языком – от ожидаемой неожиданности. Она словно предчувствовала что-то подобное. И как некстати заболела височная кость, будто кто-то маленький, противный долбил в неё своим крохотным, но цельнолитым свинцовым молотком. Тук... тук... тук! Нэнси торопливо потянула за цепочку флешку, спешно сунула её в потный кулачок и быстрым шагом, едва ли не бегом, рванула в направлении незамысловатой стрелки WC. Холодными лапками она цапнула дверцу кабинки, вкладывая кулон в щель между дверцей и перегородкой, сильно дёрнула, переламывая четырёхлистник пополам. Мощности хлипкой туалетной дверцы, впрочем, не хватало на акт вандализма, поэтому, конвульсивно дёргая задвижку, не желающую входить в расшаренный паз, Нэнси заперлась изнутри, достала из кармана брючек копеечную зажигалку, щёлкнула кремнем, отозвавшимся неровным на гуляющих сквозняках огоньком, и, словно заправский алхимик, нацедила пламя под надломанный четырёхлистник. Сине-зелёный пластик тревожно оплыл, теряя знакомые флористические очертания, и угрожающе зашипел, превращаясь в клейкое бесформенное тесто. Гремучая капля сорвалась и упала в ложбинку между большим и указательными пальцами. Нэнси вскрикнула и зашвырнула прилипучую улику в унитаз. Зарычала помпа и коло-вращение навсегда увлекло лепесток в ассенизационно-хтонические недра.

Литература и кино пропитывает нашу жизнь пробковыми артефактами пародий, отстраняет от самих себя и превращает некоторых, если не многих, в актёров и актрис. Словно солнечный загар, ещё не гарантированный в южных широтах, это может сопровождаться желанием поиграть в героя, в «добытчика», желательно с тотемным именем, как у краснокожих индейцев. Но к бледнокожим загар не липнет, и приходится довольствоваться иными архетипами. Больше всего Нэнси ненавидела себя за то, что следовала модели беспокойной фигуры, неизменно и с эсхатологическим восторгом ждущей брюха чудовища, которое, словно в дурной сказке, однажды «придёт и заглотнёт». Победа космоса над реликтовым хаосом в её мире было событием возможным, но маловероятным, поэтому она всегда и везде неизменно ожидала подянку. Это даже стало своего рода ритуалом. Противоядием выступала схема, которую можно было бы назвать «Отвоёванное могущество». Она выражалась в цепочке бесхитростных действий, направленных на мессианское спасение. Если не помогало и это, всегда существовал план Б: спуск в пренатальное состояние. Нэнси садилась на корточки, обхватывала колени руками, ныряла в них головой и в такой позе пребывала до тех пор, пока базовый миф, миф о субъективной безопасности не становился *par excellence*²³. Кажется сейчас обошлось без плана Б: отвоёванное могущество в лице оперативно уничтоженной улики вселяло пусть временную, но победу где-то на перифериях космоса.

Мутно-голубое зеркало над умывальником показало долгий, вымученный взгляд, пока Нэнси утишала боль от ожога ледяной струёй воды. Затем женщина схватила остро пахнущую кубатуру мыла и, словно заправский хирург, намылилась по локоть. Мыло не то пахло лакрицей, не то воняло рыбой, Нэнси для себя так и не решила. Она поспешила избавиться от хлопьев серой пены и, тщательно отирая руки метром бумажных полотенец, вернулась в зал.

Вот тут-то «бледнокожесть» снова дала о себе знать: судьба в очередной раз подкинула посвяtitельное испытание в лице богатыря-абрека из бордюрного камня и хвощ-травы. На полпути к компьютеру дорогу Нэнси преградил Маха и показал на её машину, подле которой интенсивно возился студент-администратор.

– Дэвушка, рэмонт, – сказал богатырь-абрек с мягким кавказским акцентом. – Надо ждат пока.

²³ истинный (пер. с франц.)

Нэнси прокашлялась, нарочно выразительно, как курильщица со стажем. Выигрывая время, она лихорадочно прокручивала в голове смысл брошенной фразы и варианты ответа. Как назло, в сознание лез только немой вопрос: «Как можно отследить так быстро?»

Наблюдая многострадальные блики, блуждающие по лицу Нэнси, Махамбет решил упростить свой посыл до удобоваримого: «Ми нэ работаем нэмножко, пока мой сотрудник устраняет поломка». «Сотрудник» оторвался от нутрей раскуроченного системника и помахал рукой.

– Чего-чего-чего? – зачестила Нэнси, а сама подумала: «Сейчас что-то будет, что-то нехорошее кружится в воздухе».

Теперь уже казалось наверняка, что все фальшивинки разлетелись напрочь. Геометричность мира стремительно схлопывалась, Нэнси вовсю чудились косые взгляды, которые бросали на неё хмурые подростки, высыпающие наружу, чтобы перетряхнуть переменкой-перекурком принудительную паузу. С трагической серьёзностью она кивала, как бы соглашаясь с бородатым горцем, с хитрым прищуром поглядывающим на неё, и неожиданно бросилась к дверям, распахивая на ходу острыми локтями давку.

– Вот это залепон, – услышала она в спину от кого-то, кому, должно быть, прилетело от неё локтем. – Ты давай, коммуницируй тут с толпой, с толпой всегда считаться надо!

– Приспичило провентилироваться? – не унимался другой какой-то недовольный скрипящий, как несмазанные петли, голосок. – Притормози ходули, ты не одна.

– За языком своим следи, Дуста, – неожиданно поддержал Нэнси первый голос. – А то ща сам у меня покандѣхаешь отсюда на своих двоих.

– Ты чего, Кондрат? Тётенька понравилась?

Продолжение разгорающейся перепалки Нэнси не слышала. Лишь у витой решётки чугунного литья, ограды одного из трёх кипящих толпой вокзалов, она сбросила темп и перешла на шаг, быстрой пружинистой походкой вливаясь в чемоданно-дорожный эпос. Мирное надругательство над нервами стоило ей густой россыпи красных пятен, разбросанных по лицу. «И чего я так испугалась?» – размышляла она, растирая ладонями пылающие щёки.

– Ну вы и бегаєте! – Кто-то тронул её плечо. – Кажется ваше. Просили передать!

Запыхавшийся Кондрат протянул Нэнси свёрток.

– Моё сокровище, Эмилия, как я могла тебя забыть! Большое спасибо!

От нервов Нэнси задорно рассмеялась, прижимая к себе куклу.

– Да не за что! – пожал плечами подросток. – Ты чего такая весёлая?

– А ты чего такой назойливый? – вдруг взяла она на абордаж того, сперва болезненно реагируя на его намекающее на возраст «вы», тем сильнее оттеняющее молниеносный, фамильярный перепад на «ты».

– Я умоляю! В каком месте? – Он обшлёпал себя по карманам, выцепил пачку с последней надломанной у фильтра сигаретой. – Не будет спички?

Нэнси протянула зажигалку.

– На поезд опоздала, что ли? – Далеко не с первой попытки юноша закурил.

– Назойливый... ещё и любопытный.

– Просто спросил, – он пожал плечами. – Ты приезжая?

– Что, так видно?

– Вообще-то да, – заметил он, приправляя авторитетное мнение горьковатым дымком.

Подросток был некрасивым, со следами давней, может быть, детской ветрянки на щеках.

– Ты аккуратней в Москве, здесь на вокзалах торбохватов много. Они таких как ты, приезжих, трусят.

– Кто это?

– Ну, карманники. Меня, кстати, Иваном зовут.

– Спасибо за совет. Иван.

– Фарцу тоже обходи стороной, никогда ничего у них не покупай, – напутствовал Иван. – Как зовут? Откуда приехала?

– Не всё ли тебе равно?

– Не, мне фиолетово. Просто есть маза на полсотни, что я стрельну твой номер телефона.

– Это с кем?

– Ну, с моими бразерсами по игре!

– С Дустой? – припомнила она погоняло обидчика.

– А, тефтелина неотёсанная. – Иван пренебрежительно махнул куда-то в сторону. – Ни вкуса, ни конъюнктуры. Всегда без повода лезет в места поуже. Я ему банку вазелина подарю на днюху. Для таких трудных случаев вещь незаменима. А на тебя я поспорил с Торчиллой.

– Спасибо, конечно, за откровенность! Только я не могу дать тебе номер телефона, потому что его у меня нет.

– Логично... технично! Тогда айда к нам! – подозрительно быстро сдался Иван. – Мы на Тибет, наверно, запулим сейчас...

– Куда??

– Ну, на Воробьёвы. Там будет баттл века в «вольфенштейн». Сечёшь приставочные игры?

– Компьютерные игрушки? – покривилась Нэнси. – Думаешь, мне это интересно?

– Почему нет? Ты такая большая, а в куклы ещё играешь, – Иван многозначительно кивнул в сторону Эмилии. С сигаретой между большим и указательным пальцами, он хитроулым взглядом смотрел на Нэнси и цыкал по сторонам длинными плевками.

– А ты такой маленький, а уже к женщинам пристаёшь! – разозлилась Нэнси. Её глаза возбуждённо заблестели, и суровая складка мелькнула в уголках обветренных губ.

Любивший напускную, рассчитанную на эффект, распорядительность, подросток аж обмяк от колоссальной радости освобождения. Для него в этот момент будто отвалили плиту и он в самом деле глубоко задышал. На его лице с большим и узким, как прорезь ртом, полным острых, хищных зубок, отразилось что-то шучье.

– Ну что поделать, если ты мне нравишься.

– Ух ты! – искренне восхитилась Нэнси. – Ухудшение качества человеческого материала выходит на принципиально новый уровень.

– Я не материал! – закричал Иван и внутренняя сталь прорезалась в голосе.

Идущие навстречу люди, с каторжными лицами тянущие брюхатую поклажу, удивлённо реагировали на этот вопль.

– Ты чего орёшь, мальчик? – шикнула на него Нэнси. – Хочешь угостить кофе – угости. А громкими словами незачем бросаться... мы не в театре народной драмы.

– Логично... технично! – Недружелюбность так же мгновенно, как и возникла, отлетела от лица Ивана. Такая постановка вопроса его вполне даже устроила. – Торпедой найдём буфет. Кофе это занизштяк, если со всеми делами, с пироженкой.

Неожиданно грохнула музыка и из-за башенки Казанского вокзала выплыла стремительная и раскрасневшаяся толпа молодых людей возраста Нэнси или немногим помладше. При виде молодецко-залихватской людской массы Иван побледнел и как-то суетнулся. Возглавлял шествие заросший бородой, будто лесной дух, сумрачный мужчина, высокий, полноватый, в полувоенном френче, галифе и сапогах, в энкэвэдэшной фуражке с блестящим заломанным козырьём. Лицо его пылало, будто его до этого кунали в прорубь. Всем своим видом он смахивал на следователя из лубянского подвала. Вот только музыка никак не соотносилась с его образом. Из раздолбанного гитарного комбика гремело:

Из говна, из говна, выросла моя страна,

Ты в говне, да я в говне – жить приятней нам вдвойне!

Люди с удивлением вытягивали шеи и озирались на шумный разноброд, полагая, что снимают какой-нибудь очередной халтурный сериал. Буффонада, и в самом деле, выглядела чертовски нелепо и халтурно. Кто-то случайно ввинтился в стадную массу, его подмяли под себя и выплюнули расхристанным с обратной стороны. Массовка перетекла на проезжую часть Краснопрудной. В руках молодчиков вспыхнули фаеры. Быстро, по-военному, они блокировали автомобильное движение, образовав коридор, пока соумышленники действия отходили к монументу Мельникова.

– Кто это? – Нэнси тревожно растрясла рукав новоиспечённого знакомого.

– Футбольные фанаты, наверное, – неуверенно отреагировал Иван.

– Давай уйдём!

– А что, я против? Отступаем к метро. Только тихо. Возьми меня под руку.

Нэнси послушно взяла Ивана под локоть. Странная и неожиданная мысль посетила её. С этим нагло-весёлым кабаду, подумала она, мы, наверно, смотримся нелепо. Странно было думать об этом сейчас, но почему-то ни о чём другом не думалось. Может, и к лучшему.

Движение колонны застопорилось. С хмурых небес полетела едва заметная белая моль, как вдруг её разбавили крупные чёрно-белые листовки. Они петлично взмыли вверх, запуленные прямо из толпы, и, медленно кружась, разлетелись по площади. Укачанные ритмом, опали к ногам прохожих.

– Владимиру Ильичу – свободу! – неслись выкрики. – Свободу предводителю!

Рой клаксонов оглушил площадь трёх вокзалов. Листовки появились на стёклах авто. Во избежание водители предпочли остаться внутри тёплых, безопасных салонов и только надрывно сигналили, требуя дороги.

– Это не фанаты, – усмехнулся Иван, отщёлкивая пальцем окурки.

– Я уж поняла! Это они Ленина хотят освободить? Из Мавзолея, что ли?

– Не-а, это лимоновцы. У них, кроме Эдички, есть ещё один партийный лидер. Владимиром Ильичом зовут.

– Так и зовут?

– Не знаю. Может погоняло подпольное. Их вождя на конспиративной малине фээсбэшники приняли. В новостях передавали. Не слышала?

Нэнси, кажется, что-то такое слышала.

– Это же они забрасывали яйцами и тухлыми томатами известных политдеятелей?

Ваня многозначительно кивнул.

– Отморозки лютые! – Он перехватил руку Нэнси и крепко стиснул её в своей ладони.

– И часто у вас такое происходит?

– Не на слуху. Но сегодня день-то знаковый.

С другой стороны площади, со стороны Московского универмага запоздало появились «газоновские» автозаки, которые тут же залетели в крепкие тиски скопившегося автотранспорта. Усиленный щитами, шлемами, дубинками, ОМОН выступил минутой позже. Он полил ручьём наперерез на заключительной пламенно-полемической ноте «Красной плесени». В беспрецедентном сочетании комического и ужасного, демонстранты, спотыкаясь об ограждение и друг о друга, устремились на холм. Попытки завести толпу успехом не увенчались. Никто не ожидал со стороны органов незамедлительного реагирования. Минуя памятник, людской поток в плотной дымовой завесе от горящих фаеров быстротечно перетекал к Ленинградскому вокзалу.

– Не овощ, не овца! Не овощ, не овца! – скандировали молодчики, и самые первые идеологи этих звуковых гармоний – в глухих шерстяных балаклавах, закрывающих лица – достигали противоположной стороны улицы, заставляя любопытствующих зевать и случайных прохожих рассыпаться горохом по углам и щелям.

Ваня повёл себя странно. Вместо того чтобы ускорить шаг и занырнуть в спасительную пасть метро, до которого оставались считанные метры, он по эллиптической орбите неумолимо повёл Нэнси к эскалации сближения с орущими нацболами, дравшим не только глотки, но и когти, от зубровцев бросившихся врассыпную. Нэнси стало по-настоящему страшно.

– Ты что делаешь? – зашипела она. – Отпусти руку!

Но Иван не слышал. Он будто находился под кайфом, неадекватно, почти конвульсивно содрогаясь, и не ослаблял железной хватки, напрочь забыв о пари и Нэнси, как предмете спора. Истый топ-госер Кондрат Непобедимый находится на виртуальном поле битвы, его шутер от первого лица пять секунд как начался. Нацистский оккультизм мерещился в мерцающих кроваво-красными огнями пирофакалах. Игрок был глубоко уязвлён сюжетной реализацией процесса и намеревался немного корректировать его. Но что мог поделывать даже он, Кондрат Непобедимый, с нулевым скиллом и без прокачки. Консольный клан вар невозможен без дюралевого щита, резиновой палки и баллончика «Черёмухи-10».

«Буду бить аккуратно, но сильно», – подумал Иван и пошёл против течения лимоновцев, протаскивая через них Нэнси. Со статическим напряжением мимических мышц, которое можно было принять за кривую улыбку, он впивался немигающими глазами в лица бегущих почти нестерпимо. Лимоновцы, косолапя, дрейфовали, обтекая парочку, как опасный риф, где можно крепко сесть на мель, но Иван шёл медведем напролом, наживая могущественного неодолимого врага. Он подскочил к первому попавшемуся в балаклаву, с наскаку ногою ударил под дых, сорвал маску и нагло закричал сложившемуся от удара пополам сорвиголове с есенинской шевелюрой:

– Ну что, пернатый, нахохлился? Геть! Лети давай, отсюда!

Его цепкие пальцы с длинными нечищеными ногтями, наконец, выпустили оцарапанную ладошку Нэнси.

Невесомые кристаллы снега утяжелились, рисуясь и подчёркиваясь на фоне жирных клубов дыма, отползающих длинными шлейфами от спасающихся бегством. Оппозиционеры, видя, что каша заваривается вкрутую, пытались рассредоточиться, скрываясь в запутанных в клубок нитках переулков. Нестройные колонны митингующих резал и теснил щитами омон, выхватывая из толпы то одного, то другого. Они валили сопротивленцев навзничь, иногда манерно били дубовой подошвой утяжелённого ботинка или палкой по хребту и голове, и без церемоний оттаскивали к застрявшим на полпути «газоновским» фургонам.

Иван встряхнулся, оправил волосы назад и зачехлился в балаклаву. Со злобным шипением: «Я не овца и не овощ!» замахал кулаками и ринулся на цепь омонцев, выстроившихся перед Краснопрудной. Он попытался отобрать щит, но кто-то устроил ему «тёмную»: задёрнул верхнюю одежду, шарахнул палкой по спине, и – уже вдвоём – заламывая руки, зубровцы нацепили на него «браслеты» и потащили к автозаку волоком.

То было уроком музыки под расстроенное пианино. Без смыслового напыления голоса вплетались в единый сумбурный звукоряд. Высокооктавные лозунги, приближаясь к общим формулам, становились вредными и ложными. Они раздражали не только слуховой проход, но и речевые зоны головного мозга. В мелькании постных призывов безучастная бумага, кружась чёрно-белыми листами, так похожими на клавишный ряд, была грубо затёрта омонскими берцами вместе с представлением о человеческом достоинстве. Макабрические пляски с бубнами бойцов ОМОН, крупные планы мыльных харь с глазами, полными непроточной мути, осатанелая ярь опечатанной щитами процессии. Всё одновременно было стёрто на этой площади.

Нэнси ничего не знала о судьбе Кондрашина. Будто пришпоренная, она бросилась прочь из этой кутерьмы. Предупреждающий бакен «ты хил, неопытен и плавать вовсе не умеешь» всплыл слишком поздно, запоздало. Она уже вошла в водоворот в его шоковом бурлении и вместе с щепками и прочим мусором была стремительно увлечена. Слова шевелили её губы. Она

крепились, не в состоянии ни утешиться, ни отдаться ужасу сполна. Она думала о нём понемножку. Именно: понемножку. Сладкая тошнота, столь неуместная сейчас, нестерпимо подкатывала к горлу. Тошнота была физиологична ровно настолько, насколько утренний кефир и булка способны противопоставить себя париетальным клеткам, секретизирующим пищеварительные соки. Больше в ней – в тошноте – было метафизического свойства, она была прямо в точь как у сартровского Антуана Рокантена. Странно было думать, что остальных это не касается хотя бы на уровне отдалённо символического, но более всего странным было думать, что институциональная сила распоряжается тем, чем не должна. Она полагала, что в общественной протестной жизни не происходит ничего, и сейчас со страхом какой-то неизбежности, однако и радостно, и неожиданно ловила себя на мысли, что ошиблась. Вся эта движуха, солидарность, острая реакция на встающие вопросы, на повестку дня, о которой Нэнси даже не догадывалась, тем не менее, роднила с этой массой, для которой молчание – тоже не выход.

Словно терриконы – чёрные, мрачные, треугольноплечие – вырастали над головой парламентариев насильственного модуса. Их атрибуты – наручники-дубинки – излучали главный посыл: не выступать, не возражать, не сопротивляться. Даже не пытаться! Носители определённых интересов в живучей истерике быстро скатывались в бездну безличной массы, и Нэнси это чрезвычайно угнетало. Спасение из этих мест – нет, даже просто надежда – могла быть довольно ложной. Во-первых, она не знала куда бежать, в какую сторону податься: чрезвычайность блуждающего места «родных просторов» неизменно упиралась в крупные планы тех самых харь. Во-вторых, в пещерном, поистине варварском духе подобию выплясывание у омовцев выходило из ряда вон как хорошо. Бойцы распались и входили в раж. Они уже хватали без разбора. Не морщась, со смирением в душе, принимали свою судьбу: турист с сосископодобным заплечным рюкзаком, придавленный крепкими руками к шершавой стене вокзала (он был недостаточно искренен в своей реакционности, поэтому выбор между простым и правильным, сделал не в пользу себя); невымытый, зачуханный певец муратравья с инструментом – блокфлейтой в бархатном футляре – после ночи кухонных «озарений» решившийся на поездку к беременной подруге (ошеломлённый, он и не пытался уклониться от ударов); голодный лимитчик с Брянщины в каракулевой шапке, обременённый тележкой и надкусанным беляшом в промасленной салфетке (тот вздрогнул с набитым ртом, когда его обступили двое в амуниции, опустил глаза и буркнул что-то краткое, но ёмкое).

В дебри крапчатых фигур завлекали гражданских с подозрительной поклажей. Что они рассчитывали отыскать в туристическом рюкзаке, флейтовом пенале или сумке на колёсах? Гумпомощь для «западных наймитов»? Снаряжённые коктейли Молотова, «маркسمанскую» разборную винтовку, экстремистскую литературу? Что-то ещё, что могло бы с хорошей вероятностью упрятать владельца за решётку и подтвердить формулировку Мосгорсуда, дважды признавшего лимоновскую партию экстремистской.

Нэнси не хотелось об этом думать. Сейчас хотелось думать о прекрасном, на роль прекрасного прекрасно подходило море. Легко было представить в окрашенных просторах ощущений гукающую баржу – огонёк на ватерлинии потерянного горизонта, набегающий в спину звон цикад, лилово-белую пустошь песка с ртутью росы и редкие мачты сосен, насаженных на грубое небесное сукнище, парусящее под напором веста. Она чувствовала это яро.

– Женщина, остановились!

Чёрный «террикон» преградил путь, разочарованно крякнул при виде кукольной Эмили. Разглядеть в ней потенциальную угрозу безопасности мог только человек, органически не переносящий кукол. Нэнси что-то слышала об этом, есть, кажется, такой тип людей – невротиков-куклофобов, только называют их иначе. Похоже ей попался подобный экземплярчик, как иначе объяснить устойчивую неприязнь омонвоца к её поклаже. Худое эльфоподобное лицо Эмили, свежее, как поцелуй ребёнка, смотрело на стража порядка суженными глазками. Зубровец покачал головой, похожей на качан капусты под забралом и потянулся к кукле.

– Руки, руки! – с неожиданной для себя самой угрозой проговорила Нэнси и отстранилась от назойливых лапищ. От «террикона» пахло формалином краеведческой кунсткамеры, он выжигал глаза.

– А ну-ка, шла со мной.

Синхронизируя организм с импульсами животной паники, Нэнси побежала прочь, драматически прижимая Эмилию к груди. Вслед ей загавкал, загремел ментовской посланец, но беглянка его не слышала. Распластавшись на растяжках выбора правильного направления, Нэнси бежала рывками и зигзагами, так словно на неё объявил охоту засевавший на крыше снайпер. Чьи-то руки её пытались поймать, чьи-то – указать путь. Не сбавляя напора, она распрямылась и бросилась в какой-то закоулок, проминая толпу и проклиная собственное малодушие: почувствовала, как её ноги, полные ваты, не успевают за телом. Она некрасиво вильнула, так бывает, когда пытаешься рулить на скорости одной рукой раздёрганным «восьмёрками» велосипедом, споткнулась, ещё пытаюсь сохранить нарушенное равновесие, но не устояла – позорно полетела на асфальт, роняя остатки своего достоинства. Хруст подмятой куклы зазвучал особенно, по-деловому. Слезы окончательно вымыли из сознания двигательный навык. Она хотела вскочить, но не получилось. В следующий момент мелькнул формалиновый душок, пробудился откуда-то из недр, и руки в блестящих нейлоновых перчатках вырвали её наверх.

Глава 3. В ПИТЕР БЕЗ ЗОНТА

По козырьку остеклённого балкона расхаживал взъерошенный, зобатый голубь. Птица клонила голову вперёд, роняя её на раздутый пищевод, и пыталась что-то разглядеть в зеркальных окнах, отражавших серокоробочную девятиэтажку и хрустальный скол неба над смолёной паклей подтрёпанных туч.

По ту сторону стекла, пристроившись за жёлтой от масляного чада занавеской, в редкой раскрепостительной минуте сидела фенотипичная ангорская кошка – белый живот, рассыпчатый хвост – и не отрывала пристального взгляда разноцветных глаз от бестолково и важно вышагивающей птицы. Между горшечной гортензией и плетёной хлебницей, на подоконнике, она могла себе позволить минутку экзистенциального релятивизма, ибо судьба ставила эксперимент над трепетной душой Джоконды. Но, может быть, и вообще, думала она, заблуждение эйнштейновой теории – всё в мире относительно – строго говоря, сводится к расплывчатому обобщению. Ведь кто-то считает, что голубь – птица мира, но такое предположение безотносительно, как ни крути. Или, например, что фретки – забавные зверята. Это допущение и вовсе не годится (Скумный кот! Ведь кто-то так считает!), поскольку верить в котоламповость подобной точки зрения лишь потому, что всё в этом мире относительно и бла-бла-бла, не более, чем суеверие и, в сущности, всего лишь утончённое дипломатическое издевательство. Даже на фоне питбультерьера Самсона с пятьдесят пятой с его напрочь отбитым чувством жизнерадостности, Нафая в самых жовиальных красках по шкале забавности едва дотягивал до бесконечно малых величин околонульных меток. В противном случае, можно утверждать с пеной на брылях, что и истина – Бастет! – относительна. Но положение истинно тогда, когда то, что оно обозначает, составляет факт, а это совершенно не зависит от того, знают об этом что-то кошки, собаки или люди. Хотя очень многие предложения и относительны, некоторые такими, очевидно, не являются.

И полбеда, что Нафанаил не был забавным от рождения. Как истинный представитель кунных, он пах чрезвычайно, и будучи невероятно аристократичной кошкой, Джока предпочтала не сталкивать взаимоисключающие категории её добропорядочности с нечистоплотными замашками хоря. К прочему, отсутствие какой-либо ясной идеологии у представителя семейства кунных, создавало тепличные условия для идейного химически чистого радикализма. Беспримесный и крайний, он отравлял жизнь аристократке не первый месяц. И за примером далеко ходить не стоило. Так, половину из скользнувшего последним часом, Нафая гонял Джоку по комнатам не слишком просторной двухкомнатной квартиры до тех пор, пока выдержанная идиличность кошки не вступила в когнитивный диссонанс с психованной маниакальностью хоря. На излёте переутомления, вторую половину того же часа она была вынуждена искать убежища в шкафурии – метко прозванном хозяйкой громоздком, на изогнутых «оленьих» ножках буфете, переоборудованном Борисом Ильичом в библиотеку.

Когда Лена Милашевич въехала в панельную двушку в районе Купчино, шкаф из массива карельской берёзы, был до отказа забит ветхими корешками книг. Они упирались в зеленое стекло витрины с дореволюционной символикой и особо подчёркивали статус их владельца – сухопарого старичка в толстых биноккулярных линзах очков, не то профессора, не то академика, эрудированного книжника, съевшего зубы на науке. Овдовев, профессор-академик оставил городские «палаты» и торжественно съехал в деревенский сруб, приобретённый его сыном в заболоченных тверских лесах. Сын Илья сначала спорил, ругался, а потом вовсе сдался: уступил отцу толстые тома фундаментальных трудов, не ожидая, впрочем, никакого проку от бумажных пылесборников. «Пылесборники» погрузили в «газель» и увезли на болота вместе с остальными бренными пожитками хозяина квартиры.

Буфет опустел и мог бы, наконец, использоваться по назначению – для хранения сервиза и батарей литровых банок варений и повидл. Но, во-первых, колдовать над эмалированным тазом, над которым вьются осы, Ленка не умела (не хотела!), а банку покупного джема, на крайний случай, можно было запихнуть в посудосушилку (где, кстати, жил сервиз). Ну, а во-вторых, расположение антикварного предмета в дальней от кухни комнате, без всякого варенья определило его дальнейшую судьбу: в шкафурии завёлся Ленкин гардероб.

Иногда туда навевались обитатели квартиры: Джока и Жейка. Последняя, впрочем, бывала редко и только с разрешения хозяйки. Большую часть времени престарелая шиншилла проводила в клетке, где, облюбовав плоский камень для стачивания зубов, дрыхла днями напролёт. К режиму дня шиншиллы в доме все относились с пониманием. Все, кроме хоря. Для Нафанаила правила были не писаны. Он докучал Жейке, забираясь на клетку и даже пытаясь лапами дотянуться до неё. Конечно, натиск самых массируемых атак приходилось держать Джоке. С котярскими щёчками и такими же замашками, фретка не заслуживал ровно никакого интереса, но оба имели привилегию свободного передвижения, так что интерес учитывать всё же приходилось: справедливые льготы со стороны Ленки к подопечным неизбежно заканчивались территориальными спорами последних. Впрочем, территориальных претензий у Нафани не было, он просто метил пахучие анклавки при каждом удобном случае – в комнатах стоял крепко настоящий аромат мужских секретий. Кроме прочего, фретка подворовывал еду из Джокиной тарелки, пытался дёргать её за хвост или, хуже того, взбираться на спину, словно она была ишаком или каким другим вьючным животным.

Джоконда требовала сатисфакции в ближайших перспективах. Пусть заботой о непознаваемости мира терзаются существа, познающие его, – люди, она же озаботится другим не менее душеспасительным занятием – пусть не буквально, но в принципе станет кошколаком, *кошкафурией* и отомстит за поруганную честь. В буфете не было порталов многомирья, зато по собранным лично ею наблюдениям, Джока отлично знала, что шкафурий лучше любого кумовства представляет привилегии по защите её от бесноватого соседа. По каким-то неведомым причинам Нафани сторонился тёмного объёмного пространства заваленного тряпками буфета. Может, он не любил карельскую берёзу или какие другие фобии не давали возможности преодолеть собственные страхи, но – и это факт! – фретка никогда не лазал в шкаф. Возможно, в этом таился ключ к исполнению репрессивного режима (Джока ещё точно не определилась, как поступит со своим обидчиком). Иногда, насильно, с ним пыталась забраться внутрь Ленка, когда её накрывала странная мрачность. Хорь выскальзывал из рук хозяйки и позорно бежал, поджав хвост. Ленка находила замену Нафани довольно быстро: говорила «кис-кис», хватала Джоку за плюшевую гриву и вела с ней в берёзовых застенках дремучие беседы. По большому счёту Ленке было всё равно в чьи уши вливать галимую софистику, ничего не прибавляющую к кошачьему (и уж тем более хорячьему) мироощущению. Но Джоконде нравилось: Нафани не беспокоил их, а горячие и ласковые руки хозяйки делали так хорошо за ухом, что хотелось мурлыкнуть что-то общеприятное в ответ.

Вскоре Джока взяла Ленкин приём на вооружение и часто, когда её одолевала не странная мрачность, но безумный хорь, исполняла соло, находя в шкафурии отдушину и умиротворение. Нафанаил продолжал игнорировать буфет, и в этом было её, Джокино спасение.

Последние полчаса Нафани не показал и носа из норы, окопавшись в кадушке с корявым деревцем, на котором уже месяц, как цвели неказистые лимончики. Эти маленькие жёлтые плоды прекрасно расходились по воскресным вечерам вместе с солонкой и «лошадками»²⁴, когда в квартире появлялось несколько двуногих, продолжавших традицию печальных и бережных диалогов с обязательными, почти ритуальными перерывами на «лизнул-выпил-

²⁴ кабаллитос – узкий стаканчик с массивным дном для употребления текилы; в переводе с испанского *caballito* – «лошадка».

закусил». Надо отдать должное, безоглядная откровенность словотолков никогда не перерастала в разнузданную попойку: на всякое подвижничество есть чувство меры, и гости засиживались только до полуночи, после спешно, почти в полном составе разъезжались по домам. Кроме одного – и этому одному Ленка всегда бывала очень рада.

Отсидеться в шкафурии вечность невозможно, и Джоконда, не без опаски, сменила место дислокации на подоконник, где облюбовала уголок поближе к эмалированному агрегату с надписью «ЗИЛ Москва». Аристократическое обоняние подсказывало ей, что за массивной дверцей с автомобильной ручкой живёт вожденная, уже открытая рижская шпротина в масле и граммиков двести-двести пятьдесят (может, и чуть больше) отварных сарделек. Ленкины шпинат, творог и фасоль в томатном соусе Джоку заботили мало. Благоухающий рыбно-мясной провиант был оставлен Бубой, чьи яркие кроссовки с липучками оставались в прихожей до самого утра. Буба определённо питал чувства к Джоке, периодически балуя её деликатесами. Вообще, он был большой любитель башенок из сардельно-сосичных гирлянд и глазурных пагод куриных бёдер, у которых косточки, что сахар – сладкие и белые, тающие во рту с сентиментальной нежностью. Вкуснятина!

Несколько тяжёлых капель ударили снаружи о подоконник. Сизокрылая котомка с клювом встрепенулась, выдавливая из зоба спесь, и сиганула вниз. Джоконда в удивлении вытянула шею, пытаясь усмотреть стремительную траекторию полёта, но острый взгляд упёрся в две фигурки. Одна, с разворошённым, но не распахнутым зонтом, придерживая коленом дворовую решётчатую дверь, пропускала внутрь другую, в кепочке блином, нагруженную патронташем сумочек и сумок. В первой фигурке Джоконда без труда опознала хозяйку и жизнерадостно мурлыкнула. Вода отчаянно заколошматила в окно, и обе фигуры потонули в папиллярных разводах. Проливные акварели растушёвывали дожденосный Петербург, взгромождаюсь тенями на белый потрескавшийся кафель стен с чёрным бакелитовым прямоугольником шелестящего радио, на матовый шар посередине гипсового потолка, на пристенный полукруглый стол, похожий на столик железнодорожного вагона, на сползающие к середине кухни два продавленных совдеповских кресла, тяжёлых и одновременно хлипких с виду.

Джока радостно запрыгнула на холодильник, едва не опрокинув вазу с блеклой розой из салфеток, перебралась оттуда на верчёные колосники газовой плиты и уже на приоткрытой дверце духового шкафа, виртуозно, как и положено представительнице семейства кошачьих, соскользнула на шахматку затёртого линолеума, готовая к приходу Ленки.

Спустя минуту или две в двери заворочался ключ, и прихожая наполнилась электрическим светом и голосами.

– Боже мой, невероятно! Шли от метро, мне улыбалось солнце! – почти кричала от радостного возбуждения незнакомка, рывком срывая с головы расплзшийся от влаги блинчик, и обдавая веером холодных брызг Нафаню, обогнавшего на полкорпуса Джоконду и лихо втянувшегося в орбиту придверной возни.

Если бы Джока могла хмыкать – она бы хмыкнула, презрительно и ядовито. Но нерастраченный цинизм даром не пропал, весь форс и гонор взял на себя хвост. Держа его иерихонской трубой, она чванливо обогнула окропленного Нафаню, в изумлении и ужасе застывшего, и не меняя позировки и координат хвоста, обнюхала гостью, тем самым подчёркивая, что вовсе не робеет перед ней. Внешность незнакомки сводилась к резкому, немного хищноватому профилю. Лицо не было испорчено косметикой, а еле уловимые освежающие подрумяна могли быть естественной природы. Под блинчиком обнаружилась рваная копна льняных волос, стриженных коротко, а-ля Гаврош. Упругие от сырости завитки цеплялись за мочку уха, напоминая серёжки-кольца. Голос её звучал неровно, как развёртка сигнала осциллографа: то вверх, то вниз, то снова вверх, то снова вниз. Старомодный клеёнчатый кошелёк с витой тесьмой болтался на заголённой шее.

– Всего пять минут: дождь, шквалистый ветер. Получите, распишитесь! – продолжала гостя, рассупонивая сумочки и сумки, складывая их на пол по одной.

– День в майке, день в фуфайке, – подтвердила Ленка. – Но самое главное – захватить зонт. Лучше – два. Если первый потеряешь-сломаешь-ветром унесёт, всегда можно использовать второй по назначению.

– А если второй постигнет та же участь?

Ленка оторопело оглядела незнакомку, коротким движением отбрасывая ото лба мокрую чёлку. Шутит та или всерьёз?

– А если второй постигнет та же участь, достанешь дождевик и запилишь в нём домой.

– Мне это Ералаш напоминает. Только там мальчик с двумя билетами на трамвай, у которого, ко всему прочему, проездной.

– Питерский климат – это, вообще, ералаш.

Ленка встрепенулась, опёршись локтями о притолоку, энергично взбрыкнула ногой в попытке высвободить ногу из плена ультрамодных резиновых сапожек. Безуспешно.

– Извечная тема для шуточек, – устало добавила она. – Отстой, честно! Я здесь всего полгода, а они уже бесят. Странно, что только меня одну. Даже мои питерские френды, которых я искренне считаю умными и адекватными людьми, нет-нет да пришлют в ВКонтакте очередную дурацкую милоту про «этих странных петербуржцев, живущих в климатическом мордоре». Для меня это как запятая между подлежащим и сказуемым.

Желая быть внимательной к хозяйке и как бы намекая на сардельки-шпроты, которым давно пора быть на Джокиной тарелке, ангора соизволила дать градус кривизны с тем, чтобы сообщить свой приветственный жест в стиле Фуко: вращая плоскость колебаний хвоста относительно оси вращения Земли. Джоконда была аристократически утончённой особой совершенно во всём. Она лениво, вполуха, слушала не совсем понятный разговор, пока не словила на себе удивлённо-восторженный взгляд.

– Ой, какой симпапушка!

Незнакомка протянула руки, но промахнулась намеренно – схватила Нафаню и бережно его потискала.

– Осторожнее, – предупредила Ленка, избавляя себя насильно от обуви, – эта симпапушка кусается будь здоров!

Пошуровав ногой под разлапистой напольной вешалкой, она выгребла оттуда две пары заношенных тапок. Распределила: в одну влезла сама, другую бросила под ноги госте. На хозяйских черевичках шла по краю золотая вышивка, местами затёртая до серебра, на гостевых обошлось без декоративных кантов, зато на дырявых носках болтались кисти из махры, пушистых не столько из-за ворса, сколько от вездесущей коридорной пыли. Ленка с энтузиазмом подхватила пару пакетов и пошлёпала на кухню.

Джоконда возмущённо подала голос. Недовольство распространялось сразу на всех. На Ленку – за дефицит внимания, на фретку – потому что психопат, на незнакомку – за распределение ролей и странный, ничем не мотивированный «симпапушный» отбор. Если бы она могла, она сказала всё, что думает о номинанте и жюри. Но кошки не имеют свойства разговаривать по-человечески, они, строго говоря, по природе пирронисты, придерживаются философии молчания. Так что Джоке ничего не оставалось, как гордо утопать – и она утопала, вслед за Ленкой, томиться подле облитого белым лаком агрегата «ЗИЛ Москва».

– Нэнси, хочешь есть? – Вопрос, к сожалению – к сожалению для Джоконды – был обращён к незнакомке.

Расстегнутая у шеи белая рубашка Нэнси чрезвычайно заинтересовала фретку, и вскоре до кухни донёсся дикий вопль возмущения.

– Это значит, да? – пошутила Ленка, улыбнувшись хитрым прищуром: я предупреждала.

Нэнси с большим трудом отцепила от себя хоря – получилось только вместе с пуговицей – и бережно, как драгоценность вернула животное на место. Но у животного не было места, и оно тут же слиняло к лимонному дереву – прятать в кадучке перламутровую цацку.

Нэнси с шумом ввалилась на кухню и показала Ленке V-образный жест рукою. Пояснила:

– «Вэ» – это вендетта! Буду кровно мстить: за пуговицу и за себя. И пусть пощады он не ждёт.

– Оторвал? – спросила спиной Ленка, смахивая со стола несуществующие крошки и выгружая из пакета газетный колчан с зелёными стрелами лука, нарезной батон, бутылку «Рычал-Су» и ещё тёплые пирожки в запотевших кулях. – Надо было назвать его Цербером, но у него уже было имя. Когда я забирала Нафанаила из приюта, меня предупреждали, что хори, даже одомашненные – жуткие неадекваты. Можно сказать, я знала, на что подписывалась, но очевидно – нет!

– Он напоминает мне религиозного фанатика.

– Да ладно! Чем? – удивилась Ленка.

– Он будто служит какому-то своему Богу. Без дурацких рассуждений и малейшей похабухи.

– Если имя богу Шеогорат²⁵, то я с тобой согласна! И между прочим, слава всем богам, что хорьки не имеют склонности вслух рассуждать о богооткровенных истинах. Поверь, тут такое б началось!

– Да-да, – рассмеялась Нэнси, – верую, ибо абсурдно.

– Да, но животные лишены разума. И в этом горький парадокс.

– Парадокс?

– Ну да, – презрительно фыркнула Ленка, отвинчивая кран и взрывая эмалированный чайник приступом водяной струи. – Их взаимоотношения с природой разумны. Они не нарушают баланс системы: не отравляют окружающей среды, заботятся о потомстве и не воюют друг с другом. Абсолютное экологическое равновесие. Человек же одарён умом, но по отношению к природе ведет себя глупо, неразумно. Мы разрушаем себя и дом, в котором живём, и самое ужасное – можем это осознавать, осмысливать.

Мощной отдачей кран запрокинуло вверх, прижало как при десятикратной перегрузке, и чайник в секунды наполнился водопроводной водой, пахнувшей ржавчиной и хлоркой. Джоконда склонила мордочку набок, как бы кивая и соглашаясь с хозяйкой. Соглашалась она, конечно, отчасти. Условно говоря, никакого парадокса не было, в том смысле, что животные не лишены разума (за редким исключением), но разум, как и яд, в малых количествах лекарство, а в больших – сублетальная зараза, вызывающая значительные изменения в голове и за её пределами. Ещё кот Гиппократ утврждал, что всякий излишек противен природе, и с этим трудно спорить: понималка у того работала будь здоров.

– Что тут скажешь, – помолчав, ответила Нэнси, – открываем в таком случае Жионо «Человек, который сажал деревья» и заряжаемся самым ценным витамином.

– Не сыпь мне соль на пряник, – расстроилась Ленка. – Не читала. Всех книг за всю жизнь не осилишь. А хочется!

– Всех не надо, – поморщилась Нэнси. – Только нужные...

– ... и желательно недлинные, – поддакнула Ленка, – потому что нужных пруд пруди.

– Жионо подойдёт. Небольшой рассказ, на один вечер.

– А вечер-то как раз и занят! Но я – раз советуешь – непременно прочту!

Нэнси долго прислушивалась к звукам многоквартирного дома: к поскрипыванию паркета этажом выше, к собачьему рявканью за смежной с санузлом стеной, к трещоточному

²⁵ даэдрический лорд безумия, мотивы и помыслы которого неизвестны.

цвирканью дождя, гуляющему эхом по оцинкованным воздуховодам. После полных суток душного плацкарта раздражительные звуки чужих квартир не раздражали. Отгороженная от соседей-непосед ячеистым бетоном толщиной в руку, она ощущала только тихую радость прибежища. Закончилось бесконечное брожение детей, звереющих от шалопайства и безделья, отшумели, отбурлили подшофе, протрухшие, насквозь загазованные толковища, пришёл конец кирнутой жвачке бесконечного застолья с хрустом фольги, с щёлканьем скорлуп, с грызнёю подсолнечной лузги. Иссякли санитарные зоны, сканворды, смердящие носки, храп и торгаши, полные занудства и потёкшего пломбира.

В подобном колдовате дорожных эмоций великим утешителем служили «Смертные грехи». Продавец с большими, светлыми и вечно любопытными глазами трудовой интеллигенции, дотошно ощупывающими плацкартные окрестности, безусловно, дело своё знал – и любил, как только можно любить бремя своих прежних выборов за то, что этот выбор, пусть оплошный, пусть кривой, был собственным и независимым. На покупку Нэнси не то чтобы согласилась, скорее, просто не захотела спорить. В копеечном исполнении – голый мусолёный картон, корешок обтянут чёрной тканью – книжка, прессованная в коромысло тисками других таких же, вынырнула из армейского баула, как чёрт из табакерки, с придиричивой ремаркой капризного ценителя: «Как беллетрист – талантлив, но перетончает». За свою чувствительность к прекрасному, за истончение, которого продавец простить автору не мог, он тут же обескровил беллетриста демпингом и сбросил десятку.

Составленный из нескольких новелл сборник Милорада Павича, Нэнси осилила аккуратно к приречным слободкам ленобластного пригорода – и не пожалела. Книга понравилась. Остроконечный вокзальный купол встречал её практически с умением торговли мыслями, в одной из которых у Босха, согласно сюжету и истории, родилась его бессмертная картина о человеческих грехах: гордыне, гневе, зависти, унынии, похоти, алчности и чревоугодии. Пассажиры фирменного скорого Пермь – Санкт-Петербург смогли прочувствовать на себе всю сумму этих безнравственных слагаемых.

Теперь же, сцепив жемчужные бусики и оставив их на кофейной полировке зеркальной полки, Нэнси поглядывала как упругая струя воды из крана разбивает в пену эссенцию настоящего аромата леса, гуляющую зеленёхонькими червяками. Она благославляла технический прогресс и виток эволюции в производстве сидячих ванн для малогабаритных санузлов. Если не рассматривать культуру прошлого как инструмент насилия, можно, конечно, отыскать преемственность в тазах с брусками хозяйственного мыла и даже в деревянных лоханках с щёлком. Определённо в этом было что-то неуловимо прогрессивное. Говоря по правде, венцы современной инженерной мысли, такие как акриловые атрибуты ванных комнат с гидромассажем и термоконтролем, мало пригодны в усвоении исторического опыта предыдущих поколений, зато! – для соблюдения гигиенических традиций (а ведь для этого они и созданы) им равных нет.

В дверь поскреблись, и в проём протолкнулась Ленкина голова.

– Подруга, чай уже заваривается. Я принесла полотенце. И халат. Вот! Не знаю, как там с размером, но, по-моему, он безразмерный, так что пользуйся!

– Подруга, – в тон Ленке ответила Нэнси, – ещё десять минут. Ровно столько мне надо, чтобы словить состояние нирваны.

– Их есть у тебя. Пока поляну срежиссирую – как раз успеешь.

На кухне, пока Нэнси пребывала в воднопроцедурной эйфории, происходили реформы почти петровского размаха. Дождь закончился и в комнате нестерпимо сияло солнце. Лучи за окном резали тучную завесь, подобно портновским ножницам, гуляющим лихо по обреза́м ткани. На столе, в тон Ленкиному летнему комбинезону шортами, спонтанно добытом из шкафурии, возникла пёстро-огненная скатерть с левашовскими репринтами пионов и подсолнухов. Купейно-приоконная столешница обзавелась не просто скатертейкой, а скатертей-

кой-самобранкой. На ней появились чашки и приборы. Сахарница. Чайник. Чайник ловил никелированным боком яркий луч и метал его в Ленкины каштановые волосы. Волосы начинали светиться золотым шафраном.

Повиснув на горбатом холодильнике, Ленка добыла из него двухлитровую заготовку консервированных патиссонов, подсохший кусок сыра и судок самопального свекольного паштета. Устроившись, она отмахнула от батона несколько ломтей, обмазала свекловичной кашцей, положила на каждый сверху надломленное перо зелёного лука и разложила редким шагом на плоской и широкой как равнина голубой тарелке. Банку с патиссонами вскрыла консервным ножом и приглашающе воткнула вилку в озерцо маринада, над горлышком, где возвышался маслянисто-тусклый островок притопленного овоща. Безнадёжно остывающие, оплывающие от собственной испарины пирожки щедрым жестом она ссыпала в хлебную корзинку. Крепко задумалась, потирая чуть тяжеловатый прибалтийский подбородок, засемила снова к холодильнику, пытаясь скосырнуть с него тощий вазон.

За этим занятием Ленку поймала Нэнси.

– Давай помогу! – предложила она и попыталась помочь Ленке в её стремлении довершить флористическую композицию клеёнчатых пионов и подсолнухов бумажно-бутафорской розой. Рукав халата – в самом деле неопределённого размера – задрался, обнажая загорелую кисть с тонкой змейкой часового браслета. «ЗИЛ Москва», хрипло бурча старым мотором, заартачился и будто бы стал стройнее, выше. Холодильник вздрогнул раз, два – и ваза, давно оплакивавшая свою судьбу, покорно подчиняясь законам гравитации, аллюром ринулась вниз.

– Ой! – только и сказала Нэнси в такт осколочному звону.

– Хорошо, что её разбила ты, – неочевидным аргументом успокоила Ленка и поплелась за совком и веником.

– Почему?

– Потому что, если бы её разбила я, скажем, перед твоим приходом, то это было бы плохой приметой. По примете, мы с тобой тогда рассорились бы.

– Теперь, думаешь, не поссоримся?

– Наверняка нет. Приметам стоит доверять. Согласно народным прогнозам, теперь можно ожидать пополнения в семействе.

– Какого ещё пополнения?

– Ну, нам это не грозит, – хихикнула Ленка. – Это справедливо для женатиков, а мы с тобой даже не лесби-пара.

Она смерила Нэнси нетерпеливым взглядом и добавила:

– Ты не переживай, подруга: я натуралка во всех смыслах. Нет, я пробовала, конечно, но мне не понравилось.

– Ох, прямо так сразу все скелеты из шкафа.

Она не очень поощряла откровенности с малознакомым человеком. Ленка, хоть и называла её подругой, знала «подругу» всего пару часов. Конечно, к этим двум часам стоило прибавить ещё четыре дня онлайн-общения, пока Нэнси шерстила интернет, пытаясь попасть на питерские «вписки».

Ленка отозвалась почти сразу. Она проживала, мягко говоря, не в центре города, но на лучшее не приходилось и надеяться. Комната с мебелью, в двушке, непроходная, «живи хоть до рождества», правда, с двумя условиями. Во-первых, делить жилое пространство придётся с престарелой соседкой, во-вторых, терпеть воскресные шабаши «питерских френдо'в» и, в-третьих, (ах да, было ещё одно условие): приезжать без «чайлдов» и «кырдымбырдымщины», то есть без детей и мигрантов из Средней Азии. И тех, и других Ленка не очень жаловала.

С третьим условием проблем как раз было меньше всего. Труднее принять первые два: Нэнси ехала в Петербург не отдыхать, а всё-таки работать, поэтому «шабаши питерских френ-

до'в», как и «престарелая соседка по комнате» звучали несколько отталкивающе. Впрочем, Ленка не удержалась и приоткрыла завесу страшной тайны: престарелая соседка – это ветхозаветная шиншилла, дрыхнущая в клетке день-деньской, а шабаш – сугубо досуговое мероприятие воспитанных людей, сопровождающееся прослушиванием музыки и обсуждением книг. А что? Это Питер, детка. Дык, культурная столица! Так и сказала: «культурная». И Нэнси, подумав немного для проформы, согласилась.

– Где ты так шикарно загорела? – спросила Милашевич, когда смарагдовые осколки были тщательно собраны в плотную бумагу и выброшены в мусорное ведро, откуда карауливший Нафаня всё-таки утащил один, самый крупный, к себе в кадушечную нору.

– Не поверишь, – Нэнси шумно придвинула кресло, наконец-то усаживаясь за обеденный стол. – Солнечные ванны пермского разлива.

– Иди ты!

– Точно, оттуда. У нас так можно загореть в самом центре города, на эспланаде. Я так часто делаю, если, конечно, погода позволяет. Беру распечатанный текст, переводной словарь, два карандаша и покрывало. Всё одно приятнее работать на свежем воздухе, чем на балконе или в спальне.

– Бесспорно! – вздохнула Ленка. Она сидела напротив, поджав под себя ноги, точно турок. Её красивые, немного полноватые руки блуждали по столу, производя магические пассы над стаканами и разливая чай. – Везёт же людям. Валяешься на лужайке, загораешь, а тебе копейка капает. А у нас в Питере... – Интонационно Ленка выделила «а у нас» – не без удовольствия и даже с гордостью, словно была настоящей, матёрой петербурженкой, не меньше, чем в пятом поколении. Или шестом. Впрочем, продолжение фразы обязывало чуть сбавить кичливый градус: – У нас в Питере полный швах и с работой, и с загаром.

Пирожки вкусно хрустели прожаренной корочкой. В нос ударял аппетитный аромат сдобного теста. Нэнси схватила чайный стакан с золотой окантовкой, кажется, ещё времён СССР и тут же поставила его обратно на плоскую тарелочку, торопливо ухватив себя за ухо. Крепко настоянный чай из объёмного текстильного заварника, обшитого тканью в красный горох, пылал жаром крутого кипятка.

– Заблуждение, что фриланс – это валяться на лужайке и загорать...

– Да ты же сама сказала...

– Ты никогда не знаешь, что тебя ждёт, пока не сядешь за работу, – строго перебила Нэнси. – И знаешь, никого не интересует, что у тебя дедлайн и три перевода сразу. Нет, ты сидишь дома, так что помоги с уборкой, стиркой или просто поболтай со мной – мне скучно. Это я про маму. Она считает примерно так же, как и ты. Она не понимает, что это работа, та же, что и в офисе, только без офиса. А лужайка – просто бонус, вроде кофе-машины или сокращённой рабочей пятницы. А загар мой, к слову, никогда долго не держится. Пару раз прошлась мочалкой – и всё: привет бледнолицым.

– Ещё и не с первого раза, – закусила Ленка губу. – Я вот, честно: солнцепоклонница! Просто от зависти с ума схожу, когда вижу такой шикарный загар. Правда, с ним ты в Питере как белая ворона.

– Белая ворона? – усмехнулась Нэнси. – Хм, если подумать, это не слишком удачный идиоматический образ. А впрочем, мне-то что? Я здесь ненадолго.

Ленка только отмахнулась.

– Все так говорят. И я так говорила. Но приехала и залипла на полгода. Считаю больше, седьмой месяц пошёл.

Она схватила с тарелки пирожок, надломив его, убедившись, что из двух начинок – ливерной и яблочноповидловой – выбрала нужную, и отправила в рот, предварительно выстудив его весьма оригинальным способом – помахав дрожжевым треугольничком из стороны в сторону. Сила инерции отправила по дуге кусок сладкой начинки. Он шлёпнулся на пол, осво-

бождая слабый завиток пара. Джока, таки заполучившая свою порцию рыбы и мяса, но не удовлетворившаяся оным, теперь чутко кимарила на коленях у хозяйки. Она приоткрыла левый глаз на характерный свист и быстрее, чем подумала, выстрелила вслед летящему повидлу. У точки приземления она покривила мордочкой. Её не интересовали безыдейные вещи, а, по скромному мнению ангоры, уваренное с сахаром фруктовое пюре было в высшей степени безыдейно.

– Квартирой по договору аренды, – смешно сказала Ленка, набив тестом полный рот, – я могу распоряжаться ещё полгода. Думаю, что вряд ли раньше отсюда съеду.

– Чем же тебя так Питер привлекает?

– Атмосферой.

– Да, – согласилась Нэнси, «нечаянно» накрошив под стол мясной начинкой – для Джоки. – Я успела заметить, атмосфера здесь невероятная: большое количество воды, роскошная архитектура, достопримечательности мирового масштаба. Мне, вообще, всё европейское очень нравится. Впечатление абсолютного благополучия. По крайней мере, кажется со стороны.

– Нее, подруга, – замотала Ленка головой, – ты не поняла. Угнетающая атмосфера заброшенного места, вот что представляет собою Петербург, это огромный город мертвецов в прямом и переносном смыслах.

– Тебя это, что ли, привлекает?

– Конечно! Питер – это средоточие беспредельной печали и необъяснимой тоски. Кстати, все русские классики, писавшие образ Петербурга в своих нетленках, скатывались в эту яму жутчайшей депрессии. Их угнетал сам город, под его влиянием рождались их шедевры. Старичок, что жил здесь, Борис Ильич, он лингвист, всё сокрушался и жалел меня. Питер, говорит, единственное место, в котором у него болит голова. Говорит, есть с чем сравнивать, между прочим: за сорок лет стажа перевидал, объездил столько стран.

– Больная голова у многих здесь, так что пора бы привыкать, – попыталась пошутить Нэнси. – Ты говоришь, он лингвистом был?

– Ну да. Был и есть.

– Я бы хотела поговорить с грамотным языковедом. Если у человека за спиной стаж в сорок лет, он просто обязан быть грамотным, ведь так. Как думаешь?

– Поговорим об этом лет эдак через... сорок, – рассмеялась Ленка и подхватила кошку на руки. Своенравная ангора стремительно и плавно упорхнула из хозяйских объятий. Она совершенно иными глазами смотрела на Нэнси. Её глаза хоть и были разными по цвету, оба излучали теперь «покорнейше благодарю». Ливер был зачётным. Он прекрасно шёл к балтийской рыбе. Незлопамятливая Джока, с лёгкостью простив предательство с хорём, запрыгнула на руки к Нэнси и принялась ластиться и мурчать.

– Вот дереза, – пожурела Ленка питомицу.

– Досталась в наследство от старичка?

Ленка в недоумении подняла брови – о чём это она? Наконец сообразила, покачала головой.

– Вот уж нетушки! Это моё сокровище, – она легонько дёрнула «сокровище» за хвост. – Привезла из дома. Мы же с ней как неразлучники, бок о бок уже четыре с половиной года.

– Прости, ты писала, я забыла, – она виновато улыбнулась, – ты из Саратова или из Саранска?

– Из Самары.

– Ч-чёрт! – Носик Нэнси сморщился и заострился. – Все они начинаются похоже.

– Ну да! Прямо как Петербург и Пермь.

– Нет, не похоже!

– То-то же! – заключила Ленка.

Нэнси поспешила вернуться к кошачьей теме.

– Почему у кошек этой породы один глаз жёлтый, а другой голубой? Это аномалия какая?

Она выглаживала Джоку растопыренными пальцами, будто гребешком, в полном соответствии с её наклонностями. Кошка, тараща глаза от удовольствия, растекалась пушистым бликом на коленях, прикрытых фланельными углами банного халата.

– Она особенная, это факт! – ответила Ленка. – Всё остальное мне не интересно. По легенде, между прочим, пророк Мухаммед был тоже разноглазым. Так что весь арабский мир на её стороне. Они там к этим сакральным знакам очень ревностно относятся. Или ты имеешь что-то против арабского мира? – Ленка угрожающе оперлась локтями о стол, нависая корпусом над хлипкой столешницей. – Нет, вы скажите, мы послушаем.

Понемногу Нэнси начинала привыкать к своеобразной Ленкиной манере общения – подтрунивать над собеседником. Милашевич откинула голову назад на спинку кресла и залилась мелким, дробным смехом.

В окно снова постучался дождь. Из приоткрытой фрамуги потянуло подвальной мозглостью, чуть-чуть болотной, вязкой, душливой, с гнильцой. Порыв ветра тут же снёс куда-то запах, и место болоту уступила далёкая стылость Финского залива, неуютная и сырая. Нэнси ухватила чайный стакан и широкими глотками мужественно отпила половину. Внутри стало горячо.

– Ну, а фретка и моя соседка? – неожиданно для себя заговорила стихосложением Нэнси. – Они тоже самарцы?

– Неа, пилигримы только я и Джока. Нафаню и Жейку взяла из приюта уже здесь. По знакомству.

– Удобная штука знакомство, – согласилась Нэнси. – Так значит шиншиллу зовут Жейка?

– Точно! Ну-ка, идём!

С сухим щелчком электрического разряда Ленка распрямила ноги, стремительно выманивая из кухни гостью.

– Куда? – всполошилась Нэнси. – Дай хотя бы чай допить.

Но Ленка, кажется, не слушала. С невероятным ускорением она увлекла Нэнси сквозь всю квартиру, по пути прихватывая пожитки, разбросанные по прихожей. Сквозь протёртую подошву тапка мелькала бурая хозяйская пятка. Где-то в ногах мешался фретка. Трепетно к груди Нэнси прижимала Джоку, заякорившуюся когтями все четырёх лап, не понимая, что происходит и куда их всех несёт. Спешащая процессия напоминала авансцену чердачного театра, где проходит премьера энергоёмкой пьесы под названием «Все бегут, летят и скачут». Наконец – достаточно быстро – произошла развязка.

– Вот! – сказала Ленка. – Твоя комната!

Комната, почти квадратной планировки, была просторной настолько, насколько могла позволить себе малогабаритная хрущёвка. Нэнси внимательно и по-деловому осмотрела свои покои. Софа в шотландскую клетку. Бланжевый, как сырой крендель, письменный стол. Фортепианная банкетка с кожаной обивкой, неизвестно какими ветрами истории задутая в эту квартиру, в эту комнату. Рядом эклектичный стул-трансформер, напоминающий в профиле легкоатлета, стартующего на беговой дорожке. На спинтере, вернее, на спинке «спринтерского» стула песочное платье в стиле сафари с широким поясом поверх. Наверно Ленкино. Терпеливо ждёт, пока владелица объявит охоту на одиноких молодых самцов в заливной саванне северной столицы. А рядом, в углу, этажерка из Икеи, на самой верхотуре которой клеточные апартаменты. Большое окно, смещённое к левой стороне, с яркими, красными, словно порез, гардинами. Советских времён стенка Хельга, обставлена хрусталём и фигурками бисквитного фарфора. Оставшиеся стены обтянуты не слишком изысканными шерстяными гобеленами с пасторальными пейзажами – оленями, пастушками, херувимами. Они – гуртом с пыш-

ным ковром турецкой или персидской вязки, постеленным на полу от угла до угла – будто на страже хрупкой сокровищницы Хельги.

– Ой, запусти по приметам кошку! – предложила Ленка.

– Так это в новое жильё.

– А оно и есть новое. Для тебя! Переезд на новое место дело ответственное, опасное и требует благословения богов. Пусть Джока перед ними отдувается.

Изображать жертву Джока не была согласна. Вотум доверия адепта здесь ни при чём, как всегда двуногие всё с лап на голову перевернули. Богам нужен жертвенник, и чаще в роли жертвы избиралось домашнее животное. Человечество только ради этого и одомашнило кошку – чтобы в жертву «духам места» приносить. Хорошо устроились, ничего не скажешь! Да, она причастна к высшим силам – но и она ничего не может сделать сверх того, что должно произойти.

Послушно опустив пушистую кладь о четырёх лапах на пол, Нэнси увидела только гордый удаляющийся профиль Джоки, дохнувший холодком имперсональности.

– Психанула, – равнодушно пожала плечами Ленка.

Нафаня принял низкий старт, не стал сдерживать себя и разрядился, пустившись вдогонку. Где-то в недрах коридора завязался свар.

– Разберутся сами, – бросила всё так же отстранённо Ленка и с вызовом спросила: – Ну, как логово?

В своё время она точно так же, как и Нэнси, обегала взором стены «кубика». Комната, откровенно страдающая от избытка декора, но со скудостью отделки, показалась ей хрестоматийной иллюстрацией синкопы, то есть конфликта ритмического и метрического. Однако, как известно, синкопированный звук – основа ритмов сомбаты и хаггала. Оба на дарбуке прекрасно исполнял Тарас. Да что там сомбаты и хаггала, вся ритмика тру-блэка держится на этом. Да что там тру-блэк, вся современная эстрада строится на этих вот конфликтах ритма. Без коротких взлётов и падений барабанной дроби, без характерных пунктиров и пружинящих акцентов переноса грош цена кристинам-агилерам, натали-имбрульям и бобам-синклерам с их хвалёнными пиар-раскрутками. Короче, тогда комната, как и вся квартира, что называется, зашла в душу, залипла основательно. Ленка уже знала, что скажет «да» Борису Ильичу, несмотря на то, что предки с самого начала ставили условие варианта «эконом». Конечно, двушка по определению выбивалась из этой категории, но – как посмотреть и под каким углом. Во всяком случае, квартира в Купчино была на треть дешевле, чем микроскопическая, с трудом улавливаемая невооружённым взглядом студия у морвокзала. Да, там был по-царски пышный, даже слишком офигительский вид на корабельный фарватер, на реку Неву, но кухня в спальне, спальня в прихожке, а прихожка почти на лестничной клетке. Не, такой кукольный дворец ей однозначно не нужен. Хочется простора, свободы, и чтобы пятьсот метров от метро.

– Знаешь, а мне нравится, – помедлив, наконец сказала Нэнси.

– Кто девушку ужинает, тот её и танцует! – Ленка хлопнула в ладоши. – Что ж, мы ликуем! Располагайся! Надеюсь, вы с Жейкой сами как-нибудь решите жилвопрос. Главное, помни: она не любит сквозняков и сырости, поэтому держи её повыше. Оптимально там, где она сейчас находится.

– Постараюсь не беспокоить вовсе. У тебя здесь хоть и мало систем хранения, но без верхней полки этажерки я как-нибудь переживу.

Нэнси подхватила стул-спринтер, залезла на него и заглянула осторожно в клетку.

– Ого, она реально почтенного возраста.

– До смертинки три пердинки. Так сказал мой френд.

– Как-то он не слишком уважительно к твоей шин-ши.

– Не-а, наоборот. Он даже из уважения к её сединам сделал на ризографе удостоверение почётного должителя. Теперь у неё есть льгота – бесплатный проезд в метро Душанбе.

- А оно там есть? Метро.
- А чего ему не быть? Хотя, наверняка не знаю.
- То есть ты не уверена?
- Я не уверена, но то что льгота работает – это факт. Там мокрая печать и резолюция «подчёркнутому красной ручкой – верить». А там – красным всё подчёркнуто.
- Мне уже заочно нравится твой френд.
- У вас ещё будет возможность узнать друг друга очно.
- Да, мне всё нравится, – подвела черту Нэнси, – даже очень. И твои питомцы, и ты, и город.
- Да ты город толком не видела.
- Это на уровне эмоций. Есть в нём какой-то шарм, загадка. И эти постоянные дожди! Ленка театрально всплеснула руками, что-то вспомнив.
- Как ты умудрилась припереться в Питер без зонта.
- Неправда! Я забыла его дома.
- Я и говорю! – Она махнула рукой на Нэнсины доводы. – Значит, решено: тебе нужен зонт. И экскурсия по городу. Но – сперва зонт!
- Можно совместить!
- М-мм... – оценила Ленка. – Главные аттрактанты нашего города, – (она снова вкусно подчеркнула «нашего»), – это храмы, но не те, о которых ты прямо сейчас подумала. Вот о чём ты подумала?
- О музеях.
- Вот и неправильно. Это шоппинг-центры. Феномен интересного и категория прекрасного. Туда и рванём.

Глава 4. СЛОНЫ В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ

Великий Микеланджело, оживляя камни отсеканием излишков, когда-то предложил такую вещь, как дискретное качество. Он наставлял делать скульптуру «хорошо» лишь в сорока ракурсах, то есть выкладываясь на каждый девятый градус окружности предмета. Многие из хейтеров на тот момент пока ещё не признанного гения эпохи Возрождения, вменяли ему в вину несовершенное объёмное мышление, но это была чушь. Просто мастер одним из первых, кто словил дзен оптимизации искусства, потому что оптимизация – уже искусство (любой сеошник подтвердит). Но Микеланджело был пионером – пятьсот лет тому назад никому и в голову не приходило, что можно обеспечить наблюдателя лишь полуторой дюжиной удачных перспектив скульптуры, и этого будет достаточно, чтобы признать её достойной. Предмет искусства – всегда тайна, и человек стремится разгадать её, часто приписывая объекту особые, замолчанные смыслы. Зазор в восемь градусов – это беспрецедентная возможность созерцателя привносить что-то своё в искусство. Всегда – самое волнительное в мире то, чего в нём нет, но что неизменно мы прибавляем, обсыпая отсебятинными крошками.

Давно, кажется в околостуденческие годы, Нэнси страстно желала видеть себя в профессии ваятеля, ходила в худучилище на курсы, где пыталась лепить сперва из теста грушу, а после гипсовую голову. Оказалось даже сорок удачных ракурсов – чрезвычайно трудоёмкая работа. Если груша была ещё и так и сяк, то с головой ничего путного не выходило. Это признавали не только окружающие, но и сама горе-ваятельница. Можно было сколько угодно крошить отсебятинку, но башка, хоть ты тресни, убедительно не получалась.

Когда в поисках себя и будущей профессии Нэнси не смогла взломать миссионерский код ваятеля, горевала по такому поводу она недолго. Просто пришло время снова делать выбор – и она его сделала: подала документы на кафедру литературы филфака ПГУ. Почему она решила стать на этот раз филологом? У абитуриентки Окуновой не было ответа на вопрос. Почему, собственно, люди идут в каскадёры, дипломаты, в почво- и искусствоведы, веб-программисты и этнографы, орнитологи, нанотехнологи, в проктологи и ихтиологи? Да – продолжают традиции семьи, да – ведутся на модные тенденции рынка труда, да – обеспечивают себя иррациональным тождеством «мечта – самореализация – реальность» (проктолог-мечтатель – в этом определённно что-то есть). Но бывает, что причина не включает со следствием сделку, причинно-следственная связь не формируется, оставшись без дедуктивного начала – вот тогда-то появляются на свет амбивалентно-клинические контрверзы, притягивающие, словно громоотвод, вопросы-молнии. Почему на бондарей не учат, а на маркшейдеров – учат, хотя неоткрытых месторождений полезных ископаемых всё меньше, а бочек для хранения вина – всё больше? Почему считается, что писательское ремесло почётнее, чем блогерское, хотя последнее и более доходно? Почему кардиохирургов и анестезиологов (взятых вместе) в разы меньше, чем прокуроров и судебных приставов (взятых по отдельности)? И так далее. Нэнси эти примеры, как и причины её поступка, волновали мало. Её не тяготил вопрос и не заботил ответ. Было достаточно того, что литература и язык интересовали её всегда. Правда, занимали на свете ещё тысячи вещей, и интерес к Бодуэну де Куртенэ, Хемингуэю, Бахтину и Гессе никоим образом не означал, что она положит жизнь на алтарь литературоведения и языкознания. Нужно было принять решение, а о том, что можно сомневаться или, тем более, размышлять о мотивах и поводах, не удосужились предупредить. Это был не какой-то там особый зов сердца, на который невозможно не откликнуться, нет. Зов – это, на секунду, прислушиваться к интуиции, к внутреннему голосу. У Нэнси – если уж начистоту – интуиция сбоила, а внутренний голос, этот голосище, был словоблуден и треплив, однако с бессознательным контактировал вяло и часто строил из себя не прорицателя, но критика. Чтобы избежать очередной разочарованности, она ему не доверяла.

Подходя к рубикону пятилетней муштры, Нэнси всё чаще стала впадать в раздумье: что ждёт её после университетской парты? Она не ловила спойлеров, просто знала, не будучи начинена иллюзиями: диплом – это лишь прямоугольник красивой гербовой бумаги. Когда ты низвергнешься в объятия взрослой жизни, твоя способность растянуть курсач на сто страниц или умение «наговорить» зачёт окажутся ничем перед бьющим наотмашь вопросом о рекомендательных письмах с прошлых мест работы. Последнее, что спросят по ту сторону переговорного стола – это специальность и наличие диплома. И спросят ли?

Крепко поразмыслив, она решила не спешить, дабы смягчить суровый приговор сиюминутной паузой празднотатания. Когда ещё улучится момент? Вспомнила о своей давнишней-сокровенной-затаённой мечте – сплавиться на катамаране по реке. В двух остановках от дома записалась в спортивный клуб, там же прикупила экипировку и обучающее видео. Если воплощать в жизнь детскую мечту, то непременно по-взрослому: обстоятельно и досконально. Это правило справедливо вдвойне для далёкой от спорта дилетантки. Дилетантке, впрочем, не повезло с тренером: тот оказался заядлым рыбаком, и сплав по Сиве с трёхбайдарочной командой, который состоялся на майские каникулы (до защиты оставался ещё месяц), мог стать дивно-чудным, если б не периоды бесклевья. Инструктором со сложно выговариваемым и категорически не запоминаемым именем-отчеством Бакберген Абдусоттарович овладела маниакальная идея поймать хоть что-нибудь. Нет, поначалу «что-нибудь» ловилось: так, небольшой успех имела рыбалка на блесну в какой-то глухомани возле заброшенной деревни Пастушьи Сумы. На обрывистом берегу, рядом с ужасно разьеженным грузовиками просёлочным трактом, поймалась диковинная рыба подуст, в жареном виде весьма съедобная. Пару раз ловились язь, налим. Но после бесхозного скотомогильника, обнесённого рвом и басистыми индиговыми мухами, аккурат на повороте к Черновским поселениям удача от незадачливого рыболова отвернулась.

Весна в Предуралье стабильно поздняя, почти всегда в устьях высокая вода и паводок. Река как брага – с рыбо-тминным духом. Комариная зудня напоминает карательные рейды мессершмиттов. Но рыбы нет, и даже червяк, собранный на земляных валах древних урочищ, не давал годных результатов. Наживка оставалась на крючке – рыба не клевала. Всё своё негодование и раздражение Бакберген Абдусоттарович вымещал на группе. Он не замечал своих пороков, как, вероятно, сивая рыбёшка, ушедшая до лучших времён на глубину, не замечала тяжести давящей на неё воды.

Как существо домашнее и, в сути, неконфликтное, Нэнси, стерпев невзгоды и лишения, по возвращении домой решила с водной одиссеей завязать (ко всему прочему выяснилось, что плавает она немногим лучше топора). Однако внутренний локатор жизненных ориентиров так и свербел, подмывая найти себя не в этой, так в другой стихии, и она немедленно переключилась на секцию пешего туризма.

На этот раз с наставником повезло не намного больше. Он хоть и был добрым, примирившимся со всем человеком, однако ж, мириться, к примеру, со второй женой не мог и находился в стадии развода, всё чаще пропадал в судах, а не на работе. Появляясь же изредка на клубных сходнях, он устраивал нудные ликбезы, а добирать регулярно порцию нудятины предлагал из журнала «История и археология», в редакционной коллегии которого он состоял. Никто, кроме Окуневой, не воспринимал этих советов всерьёз. Теплососуший туман филологического толка уже разъедал её разгорячённый, натренированный годами университета мозг без пяти минут специалиста. Не столько укоряя себя, сколько филологически грустя о несовершенстве мира, Нэнси зарывалась с головой в скучные, с пропущенными запятыми публикации, извлекаемая на свет, будто из космических глубин, деликатно пульверизованные сверхразреженным межзвёздным газом метазнания.

Пешие брожения по бескрайним просторам родного края вкупе с журнальной подшивкой «Истории и археологии», взятой напрокат в библиотеке, создали тепличные условия для

увлечения раскопами. Расквитавшись с альма-матер и защитив диплом по поэзии Серебряного века, Нэнси обрела себя на археологических приисках. В какой-то момент историко-культурное наследие полностью захватило её, и кажется, вот теперь наверняка она обрела себя в нескучном и небесполезном времяпровождении. Действительно, экспедиционная деятельность расширила кругозор и как-то затянула праздншатательный период. Археологические изыскания не приносили особого дохода, организаторы расплачивались бартером. С легальных копов Нэнси часто привозила артефакты культурных слоев, не слишком, впрочем, «культурных» для музеефикации, но весьма любопытных лично для неё. Как правило, это были чудом уцелевшие винные штофы и квасные кувшины из упрятанных под землю ледников – древнерусских холодильников. В дальнейшем антикварная стеклотара шла на заклятие первым, самым робким творческим экспериментам.

Разномастные бульбухи – флаконы, фляги, бутылки и бутылки – выбивавшиеся из наспивованных стеклом урочищ, обломали зубы приземлённой материи спиртуозных штудий, некогда плескавшихся в остеклённых утробах, и превознесли долгоживущую, континуозную форму над недолговечным её содержимым. Роспись красками помогли форме обрести особинку, а Нэнси – преисполниться решимостью, проникнувшись неподдельным интересом к технике и самому процессу росписи.

Копательский сезон продолжался до поздней осени, а зимой, в вынужденный перерыв, в ход пошли современные материалы – всё, что попало под руку. К весне появились первые клиенты и заказы, и выходить «в поля» уже банально не хватало времени. Археология как таковая отошла на второй план, на первый – напоздали, вырывались заливные витражи. Этно, модерн, прованс, ар-нуво – мотивы и сюжеты, навеянные стилем, воплощались в полотнах на стеклянных сувенирах, посуде, светильниках, окнах, столешницах и даже входных дверях. Роспись по стеклу витражными красками перемежалась с другими «хабарными прожектками». Бывшие преподаватели с кафедры подкидывали ей англоязычные прописи – руководства, инструкции и директивы, по большей части, написанные мертворождённым стилем технарей. Иногда просили примерно тем же языком викингов написать статью или обзор для университетского веб-сайта. Ещё реже случалось репетиторство. Преподавание, впрочем, Нэнси нравилось: это была прекрасная возможность удерживать на плаву компетенцию её коммуникабельности и ворошить от случая к случаю богато присыпанный нафталином филологический академизм. Почасовая оплата прельщала очевидными плюсами сдельщины, но: рекомендации, рейтинги и отзывы – всей этой бенефициарной вереницы у неё, конечно, не было, как не было надежды на стабильный заработок. Возникая гораздо реже, чем хотелось бы, индивидуальные занятия стали просто ещё одной струйкой в беспокойном финансовом ручье.

За этот, на первый взгляд, странный заказ Нэнси ухватилась крепко. Творческие халтурки она всегда брала с охоткой, не раздумывая. Дорожка, что вывела её к Савелию Витольдовичу, не была витиевата и сложна: заказчик нашёл сам в интернете примеры её работ и написал на электронную почту с пожеланием сотрудничать. Странной была свободная игра случайностей, дотошно опекаемая законами статвероятности: трудно и представить более подходящего времени именно для этого заказа. Но: по порядку! Чтобы прочувствовать, ощутить на себе весь неистощимый запас удивительного, потребуется преамбула. Она связана ещё с одним клиентом, долгие переговоры с которым у Нэнси сорвались накануне. Обсуждалось прицельное долгоиграющее репетиторство. Максим Аверьянович – топовый специалист по газораспределительным сетям одной крупной и весьма известной транснациональной корпорации – задумал подыскать для падчерицы «чистого» филолога-русиста. А найдя его в лице Ани Окуновой, долго и вкрадчиво обрисовывал нюансы дела, выражая всячески свою готовность «лечь костями» ради будущего Вари. В неопределённое будущее Максим Аверьянович смотрел с дальним, вполне себе ясным прицелом. Большую часть времени он пропадал на отладке скрубберов строящейся газонаполнительной станции, а неродная двенадцатилет-

няя дочь Варвара обитала в фешенебельных апартаментах под боком главного Адмиралтейства вместе с гувернанткой Маргаритой. По нечаянным обмолвкам и обрывкам случайных фраз Нэнси поняла, что Варина мама, супруга Максима Аверьяновича, послушничает где-то на Валааме и, посвятившая себя духовному служению, не может уделять должного внимания семье.

Перспектива на три месяца сменить родной провинциальный «недомиллионник» (до нового почётного статуса пермякам не хватало каких-то тысяч) на белоночный, дворцово-дворовой, с инъекцией классической литературы Питер, конечно, очень импонировала Нэнси. Не стоило забывать, что пункт «значительно поправить финансовое положение» уже входил в этот пакет приятностей. Но, как это бывает обычно, что-то где-то пошло не так и не туда. Максим Аверьянович был готов оплатить и переезд, и проживание в номере отеля, надо было только урегулировать организационные моменты. Но обстоятельства непреодолимой силы постоянно откладывали эту самую регулировку: то Варвара, нацеленная идти по стопам отчима, в нестерпимом нежелании подтягивать все летние каникулы свой русский, свинтила в детский лагерь, заявив, что ни за какие коврижки не будет тратить время на зубрёжку; то гувернантка Маргарита вдруг заявила, что девочке требуется не Даль и Ушаков, а Рахманинов и Мусоргский, и начала активно склонять главу семейства к поиску учителя музыки; то сам Максим Аверьянович срочно улетел в командировку на Ямал и две недели не выходил на связь, после извиняясь, объяснял своё молчание чрезмерной занятостью. Последней каплей стал неожиданный приезд Вариной мамы, с инфантильным своеволием учинившей мужу взбучку за «внеурочную монополию в воспитании падчерицы». Это сильно оскорбило чувства Максима Аверьяновича, так что с Нэнси отныне (то есть в первый и в последний раз) общалась его супруга. Перед Нэнси извинялись и обещали перезвонить. Как нормальный соискатель, она уточнила до какой даты смеет надеяться. Ответ не порадовал, а фраза «мы вам перезвоним» была не более, чем вежливым отказом.

Расстройство было колоссальнейшим. Ещё древние философы предупреждали: мир не такой, каким мы его видим, а такой, каким чувствуем. Наши надежды и ожидания становятся как бы действительными, подлинными, а когда они обмануты, когда они не могут претвориться в жизнь, когда задуманное катится в тартарары – мы чувствуем внутри глобальный крах и сокрушительное разрушение, неминуемое и неотвратимое, будто бы это вовсе и не планы, а что-то вполне себе свершившееся, имевшее уже место быть. Ещё те же философы (а может и другие, но тоже древние) утверждали, что мысли и желания материальны. Стоит только очень сильно чего-то захотеть и – бац! – сила мысли уже превращена в неуёмную, дикую энергию, выбивающую сногшибательную сумму следствий из самых, казалось, бредовых концепций.

У Нэнси были значительные шансы на материализацию желания, но всё равно это показалось таким невероятным действием. Спустя всего каких-то полчаса после упомянутого разговора на почту прилетел имейл с предложением – чтобы думали? – приехать в Питер и взять в работу большую партию керамических заготовок для росписи. Большая – это значит не пятьдесят или сто, а полтысячи штук. Работы, в самом деле, непочатый край. Фигурки, скульптуры, посуда, копилки, подставки – чтобы управиться, потребуется пара месяцев, или больше, тут, конечно, всё зависит от уровня причуд заказчика. Судя по всему, тот был владельцем сувенирной лавки, предлагая в общем недурной прайс за работу, зная цену не только готовому изделию, но и зиждательным трудам. «Глазурь и кисти, – писал он, – уже ждут мастера, а вы, учитывая виденное мною, мастеровитый человек – с руками и воображением». Правда, Савелий Витольдович (так заказчик подписывался в конце линейно-трогательного письма, больше похожего на грамотку ценителя причастных оборотов) не предлагал взять на себя финансовые хлопоты, связанные с неизбежным переездом, что, в общем, вносило диссонанс в энерговибрации и, безусловно, портило картину идилличности. Но, с другой стороны, не всё же коту масленица, бывает и просто блинчики.

Пенять на непрокачанный материализатор последнее дело, и Нэнси поспешила сама озаботиться вопросами жилья. Впрочем, решать его без свободной наличности в кармане было сложновато. Она с большим трудом наскребла денег на железнодорожный билет в одну сторону, и теперь её финансы не просто пели романсы, они орали благим матом, изрыгая ужасные слова и проклятия. Решение, как всегда элегантно, пришло неожиданно: попробовать сходить на даровые вписки. Человек подумал – Яндекс сделал, и к вечеру Нэнси уже переписывалась с милой девушкой из Купчино. У Ленки была своя корысть, которую она, чистая душа, честно выболтала: помочь ей с переводами англоязычных текстов песен. К тому моменту Нэнси упомянула о роде своей деятельности.

Ленка открыто выражала собою полное и решительное обалдение от возможности быть свободной от будильников, графиков и расписаний, считая время главным активом современного делового человека. Сама она, выучившись на биолога и заполучив в прошлом году вожделенный гербовый прямоугольник, в отличие от Нэнси, первое время сильно тяготилась мыслями о профессиональном развитии. Собственно, за карьерой она и погналась в Питер, сильно рассчитывая отыскать здесь что-то достойное её диплома. Впрочем, уже к весне приоритеты сильно сместились, и Ленка не спешила откликаться на первую попавшуюся вакансию. Она незаметно перешла в творческую фазу поиска себя, и это их с Нэнси сильно сближало по духу. Насколько она поняла из переписки, её новоиспечённая подруга уделяла много внимания судьбе приютов и питомников, фанатела от андеграундных изданий о музыке и даже стряпала свой, в меру подпольный, в меру дилетантский селф-паб, где, кроме переводов любимых песен, были коллажи, карикатуры, стихотворные наброски и (по её же заверению) другая психастеническая рефлексия. Для того чтобы выпускать фанзин, вовсе не обязательно быть авторитетным, объясняла Ленка. Даже не обязательно знать правила орфографии и пунктуации. Достаточно быть маньяком-энтузиастом с пачкой офисной бумаги и набором фломастеров. Даже плохонький принтер в паре с компьютерным «железом» не обязателен: эта сладкая парочка всё равно не удовлетворит рождённую и исторгнутую из глубин фанатского сердца надкритическую массу формотворчества, но, очевидно, поможет ускорить маленькую фэнзийную «хиросиму» у себя дома.

Для одной личности Ленка имела слишком много духовно блуждающих качеств. Она воспитывала себя искусством и считала идею важной. Воспитание искусством, делилась она в скороспелой переписке, это значит расшатывать и корчевать исторические, культурные, психологические традиции и нормы, свои привычные вкусы, ценности, воспоминания. Нужно не трепетно вкушать, а пожирать, глотать картины, музыку, литературу, так, словно завтра тебя всего лишат. В этом смысле, чтобы не ограничивать свободу оргдеятельной схемой, невредно привнести в собственную жизнь немножко хаоса.

Не сказать, что это вязалось с Нэнсиной философией, однако что-то сильно резонирующее колобродило аморфными сентенциями и в её голове, так что эта тема оказалась благодатной для сцепки языками. В ход пошёл телефон, и они говорили обо всём и ни о чём: про помидорные диеты и феодализм, про хвост кометы и религиозный фанатизм, про хищный диктат и тюремные приметы, про кошмар детства – варёный лук и про изящные, но такие идиотские акронимы – PINE, WINE, ILY, FAQ, OMG и прочий LOL.

Одним словом, несмотря на разницу в возрасте, у девушек оказалось много общего, и кто бы мог подумать, что всего неделю назад они даже не знали о существовании друг друга. Была ещё одна общая черта, вернее, приятная зависимость, от которой страдали обе – шопинг. Конечно, закупить всего из ряда «нечего надеть» – какая женщина не любит этого? Можно часами ходить по бутикам, оставляя в каждом по кредитке с выбранным лимитом, а после заказывать такси с большим багажником, чтобы уместить все купленное. Но особая способность и высший пилотаж получать удовольствие не от покупки, а от возможности самой покупки. Эта

техника особенно уместна, когда считаешь мелочь по карманам, прикидывая, хватит на метро или снова придётся ловить доброго самаритянина с жетоном.

Вчерашним итогом шести часов комплекса попутных развлечений стали кинобилеты на «Суини Тодда, демона-парикмахера с Флит-стрит», пара зелёных коктейлей в «Бленд-land», акционная тушь для ресниц «Маскара» (Ленка долго искала именно такую) и эксклюзивный петербургский зонт-трость с сепийной панорамой города, орошённой дождевыми разводами под нарисованным стеклом – чудесная вещь, превзошедшая все ожидания.

Сегодня зонт в руках Нэнси демонстрировал могучий функционал. Это только с виду, зачехлённый, он казался бесполезным на фоне ясной, без малейшего намёка на ненастность погоды. Зонт, как известно, многопрофильный охранный амулет, и он отлично сберегает от дождя. Стоит только взять его, и вероятность любых осадков сводится к ничтожно малым величинам.

Вся дорога к Удельной – Нэнси выбрала наземный маршрут, чтобы любоваться видами – тонула в позёмках из струек опавшего липового цвета. В северной столице липа распускается примерно с двухнедельным отставанием от средней полосы, и сейчас здесь был самый ток цветения. Филированный лучами солнца (невзирая на плотную застройку) город, с обвисшими рукастыми плетями вековых деревьев, казался насквозь лишённым мегаполисной «кессонки» – хронического заболевания почти любого урбанистического междупутья. Типичные эндемики каменно-бронзового ареала обитания, человеком созданные и существующие исключительно в культурном состоянии – эдакий петровский культиген – являлись по сути аллегорией старения и времени. Ещё немного и в клокочущих иероглифической отделкой обшарпанных фасадах проступят знаки пустоты. Пока же символика жанра, как, скажем, увядающие цветы или гнилые фрукты, настойчиво кидалась в зрителя абрисами недоруин. Недоруины замков и дворцов с ремонтным закутком, как некий вызов, как форма сопротивления былой аристократии. Сплошной дендизм; здесь всё: и пренебрежение, и поза, и философия, и образ жизни.

Впрочем, справедливости ради, это не мешало Питеру быть в доску «своим». Любой другой бы город – ходульно деланный, позёрский – никогда и ни за что не обернулся бы верным псом, готовым лобызать руку хозяина, а Питер мог. Мог, не теряя своего величия и кукла архаики, разыграть не тюленьё прилежание, не астеническое коленопреклонение, а приязненность и безалаберную благосклонность, непременно с выразительной мимикой. Мимика эта – инфантильного лунатика в вялой сетке мраморных прожил и трещин, подёрнутых зеленоватой плёнкой плесени, с моторными тиками речных трамваев, с конвульсивными спазмами метрополитеновских кишок – всегда дарила надежду, но и сбивала с толку, настраивая на мысль, что у «пёсика» хозяина нет и быть не может. Город Петербург всегда был и остаётся предельно авторитаристским: он себе глава, и муж, и господин, и царь. Тут нет решительно никаких противоречий, поскольку авторитария не мешает быть образованным и рассудительным космополитом – в смысле отношения, в смысле приязни к любому заглянувшему на огонёк. И в этом смысле лучший способ прочувствовать радушный приём собственной кожей – очутиться непременно на городском рынке. Это понятие так же космополитично, как нефть, религия или американская валюта. И Нэнси волею судьбы и лавочника Савы, назначившего встречу на Удельной, направлялась как раз в такое место.

Когда и при каких стихийных обстоятельствах возник блошинный рынок на Удельной – или по-простому Уделка – неизвестно. Если углубляться в истоки чересчур усиленно, то можно скатиться к обрусевшим немцам, осевшим в Петербурге примерно в те времена, когда была отлита пуля-дура, погубившая в бессмысленной дуэли русского поэта. Немецкие мигранты – все эти шварцы, шульцы и фонбахи – привезли с германской родины свой *lans markt*, впоследствии точно так же обрусевший, ставший вшивым рынком, привычным почти любому русскому. Уделка в Питере, пожалуй, вполне могла бы тягаться с берлинским сро-

дичем Пренцлауером Бергом, или знаменитым парижским Сент-Уаном, или не менее известным ноттинг-хиллским Портобелло Роуд. Немецкий трёдельмаркт такой же грязный, парижский брокант – такой же эклектичный, а британский флюмаркет такой же криминальный, но главное подобие и потрясающая мимикрия – это посетители. Именно они придают любой блошинке любого континента чрезвычайное сродство и одинаковость. Это понимаешь ровно в тот момент, когда толпа стяжателей, бредущая от станции метро, втягивает пылесосом тебя в кучу предметов непонятного происхождения, разложенных на земле, развешанных на деревьях и даже висящих над головой на жирных от многолетнего мушиного сидения верёвках.

Аня Окунева кочевала по этому празднику разнузданного торгашизма суетливой походкой, в такт поводя плечами, высматривая, высверливая глазами направляющие её ориентиры. Не успев пока обзавестись модной штуковиной мобильным телефоном, она была вынуждена договариваться о встречах по старинке, то есть сильно заранее и без возможности корректировки времени. То было славное время, ещё не омрачённое нашествием эмодзи, селфи, троллей и всяких там мобилофобий. Из средств коммуникации – электронная почта и стационарный телефон, вместо яндекс-карт и спутниковой навигации – ориентирование по мху и муравейникам. Нет, конечно, до этого пока не дошло, Нэнси неплохо справлялась с незнакомой местностью с помощью привычных в таких случаях вопросов «Как пройти?» Адресованные прохожим, они помогали быстро (иногда не очень) достигнуть пункта назначения. Но сейчас был случай не совсем обычный, вернее, совсем необычный.

Сам рынок отыскался быстро, но, попав внутрь, она оторопела. Из ориентиров – пресловутые кучи, более и менее равномерно приправленные копошащимися добытчиками старинных самоваров, икон, бюстов, ковров, пластинок, книг, велосипедов, значков, монет. Таких отвлекать праздными расспросами – себе дороже выйдет. С запалом героев Буссенара, подстерегающих в прериях бизонов или выискивающих в джунглях млечный сок гевей, они, что называется, рыли носом землю за недостающий экземпляр ископаемой коллекции. Эти охотники за очерстевшим, окостеневшим, одеревеневшим временем, спрессованным до запылённых реликтов тиражного «совка», казались Нэнси страшными людьми, осатаневшими от пороков собирательства. Она видела, как с пеной у рта они готовы выдрать скидку, а после – заполучив её – с солдатским пиететом исторгать преувеличенно трепетные слова и выражения.

Тяжело поверить, но это и были тончайшие, самые щекотливые и деликатные движения человеческой души, при изображении которых художник так часто катится в трюизм. А между тем, это предвкушение животворного счастья в глазах блошиного народца нельзя было сбить решительно ничем. И, кажется, ровно такой вот лихорадочно сверкающий огонь Нэнси нет-нет да видела среди своих знакомых. Сложно было понять этот огонь. Тяга к простым вещам, к вещам, по сути, бесполезным, возникает тогда, когда эта простота утрачена, когда окончательно притуплено чувственное восприятие. Но обилие вещей, делающее всех нас знатоками потребления, не может не рвать эту чувственную связь. В пресыщении товарами мы давно уже ничего особенного от них не ждём. Какое уж тут чувственное восприятие? Нэнси машинально покрутила в руках зонт-трость, купленный только вчера, ещё даже лейбл-бирка на месте – не успела срезать. «Нет, бесспорно, приятно приручить вещь, сделать её своей, – вскользь подумала она, – но, оплатив на кассе ценник, эмоционально мы всё равно остаёмся холодны, за исключением разве что первых нескольких мгновений. По факту вещи остаются неприрученными, мы не плачем, когда вырастаем из них, когда они теряются или ломаются. Мы просто покупаем новые, забывая о старых». Горевала ли Нэнси о любимом зонтике, забытом в спешке дома? Да она даже не заметила его отсутствия, и вот теперь легко променяла линялый старомодный зонт на питерский талисман с костяною ручкой. Но потеряйся этот красавец – она будет горевать? Скорее всего, сокрушится – да, но не сильно и не очень. «Вот чего нам недостаёт: вещей-событий, вещей-собеседников, – размышляла она, двигаясь быстрым шагом, тревожно и бегло осматривая прилавок за прилавком. – А вот таким людям – за фанатичную

преданность идеалам, за веру в ментальность вещизма – должны, как минимум, выдаваться шифры к кодовым замкам Пандоры с сакральным доступом. Они находят себя среди простых вещей, они сознают, что и они сами, и вещи – есть, присутствуют».

Правда, одного этого знания мало. Нужно как бы становиться вне времени, чтобы получить отношение к вечности. Да, наверно, так оно и было. Никто не обещает, что поставленное ими на крыло дело (любой коллекционер своё собирательство честно и искренне считает делом) будет существовать после их смерти, наоборот, скорее всего, коллекция лошадиных эстампов, или военных нагрудных знаков, или старинных фолиантов в марокенах, или ещё бог знает чего – распылится на фрагменты и тонким слоем осядет всё на тех же барахолках. Но – фундируя картину мира через мечту-идею собирательства, коллекционер наделяет себя предельной живучестью, а, значит, почти бессмертностью. Любая такая коллекция, по ленинскому выражению, «перепахает» самого составителя – библиофила, нумизмата, марочника, гербариста – и удостоит именно его высшей метафизической наградой.

Правда, протягиваясь толпой вдоль рядов, Нэнси подозревала это место в оппозитивных истинах. В голову то и дело лезла навязчивая мысль, что блошинка – это, прежде всего, бессистемный путеводитель по загробному миру вещей, что-то вроде «Бардо Тодола», написанного языком отживших своё предметов быта. Великий похоронный гимн ей чудился по мере нарастания базарного крещендо. Нарастал он потому, что Нэнси текла в самую гущу событий рынка. Здесь, в гуще событий сбывались мечты ретроградов-стиляг и голдобов-тряпников: расторгывались изделия мануфактур – текстильных, галантерейных, кожевенных. В воздухе стоял крепко настоящий запах «бабушкиных» средств – камфоры и нафталина.

В сопроводительном имейле для адресата anna.okuneva@gambler.ru обещали чудосочную луковку Пантелеймоновского храма, от которой надо будет забрать правее и пройти к милитаристам. Деревянный храм за территорией рынка прекрасно скрывали налитые зеленью разлапистые кроны, и возвышающийся не слишком высоко купол с крестовой мастью Нэнси с трудом, но всё же отыскала. Как и было велено, от него она взяла сильно вправо и пошла вдоль низенького стального профиля аккуратно меж настеленных клеёночек, с которых торговали консервами, фейковым парфюмом и средствами гигиены.

Потом и вовсе пошло сонмище наваленного скарба. Где, что – не разберёшь. Вдруг, внезапно: смена декораций. Символичное баракло сменилось не менее символичными винтажными манатками: цветистыми платкам и шальями, платьями с отложными воротничками, варёнками, шинелями, ватниками и даже черкесской с атласной подкладкой для газырей. Обещанные милитаристы упорно не желали появляться. Совсем отчаявшись, Нэнси в тающей надежде бросилась к продавцу с помятым лицом и прилипшей к уголкам губ известково-серой папиротиной. Тот упрямо заставлял работать зажигалку с характером.

– Я их называю дембельками, – угрюмо, сухо заключил он. – Все, как один, отставники. Из бывших. Хотя вру! Кажется, затерялся там докторишка наук один. Специализируется на ремнях и лётных сумках. Откуда-то натырил и потихоньку распродаёт.

– А как их найти? – нетерпеливо поинтересовалась Нэнси.

Швырнув в сердцах на взрыхленный асфальт бесполезную штуку, торговец молча ткнул соседа. В коротком интимном мановении они наскочили друг на друга папиросными цевьями, подпаливая «козью ножку».

– Тебе зачем? Вещизмом интересуешься? – Он затыкнулся, выкатывая вертлявые шары мутно-сизого дыма. Хитро прищурил глаз. – У меня есть прекрасный габардиновый плащ, весь в дырочках от орденов. Посмотришь? Недорого отдам.

– Мне не надо. – Она отогнала ладонью шар, неизбежно на неё налетевший, и мотнула головой. – Я ищу одного человека. Может, вы знаете его?

– Может и знаю. Как зовут?

– Савелий Витольдович.

– Знаю я одного Саву, – торговец сплюнул табачную жвачку, набившуюся в испорченные никотином зубы, – но он не торговец милитари. Слонячит он... ну, на посуде сидит, загоняет всякий шмурдяк.

– Да-да, – радостно взвизгнула Нэнси, не совсем распознав весь смысл фразы, но среагировав на слово «посуда». – Всё верно. Он мне и нужен.

– Нахер? – обескуражил вопросом торговец, впрочем, не рассчитывая на ответ, безразлично махнул кулаком, с зажатой меж пальцами папиросой, сзади себя. – Дембеля во втором ряду обитают, слоны в третьем. Там ищи.

«Слоны» обитали в посудной лавке мирно. Их было трое, и крайний оказался тем, кого так долго и упорно выискивала Нэнси. Внешность Савы показалась ей, деликатно говоря, запоминающейся. Розово-коричневый мясёный скальп, продублённый солнцем, похожий на коровье вымя, прикрывали растрёпанные пакли жиденьких волос неопределённого цвета подсыхающего сена. Хрящеватый кубарь носа держал на своих рябых оспинных крыльях, словно атлант на плечах, искажающие линзы в старомодной лакированной оправе. Тускло-мутные зрачки из-за толстых астигматических стёкол казались громоздкими, бочкообразными. Они безумно вращались, словно навывкате, в такт мелким суетливым движениям обнажённых по локоть рук. Выше локтей насупонились морщинами и складками старая сухая кожанка, похожая на сброшенную рептилией шкуру. Видно, что в «шкуре» рептилоиду было крайне неудобно: пот сползал по его отвисшим, словно аксельбанты, щекам, по ободранному бритвой, блестящему подбородку.

Савелий Витольдович торговал с капота старенького «фокуса», тщательно задрапированного тяжёлой промасленной вискозой когда-то кремово-жёлтого цвета, а ныне тёмно-рыжего, избурого. На вискозе в порядке, определённом исключительно хронологией выкладки товара, воздымался глухой кобальт хрупких чайных пар. Позолота «колосок» шла через один, зато «снежинки» на бокалистом хрустале, соседствующем рядом, были все на месте. Потешного вида старорежимные реликвии фигурок труженицы с гармонью, пионера со скворечником и девочки с козлёнком привлекали внимание. Ослепительная белизна дулевского фарфора пыталась соперничать с эмалевыми смарагдами гжельской хозяйки медной горы, с прекрасной парой лебедей на синекалильном кракле высокогорного озера, с русской плясуньей в дымчато-синих штиблетах и кокошнике. У самых щёток дворников пизанскими башенками зиждились самаркандские пиалы в наборах. Лопались от важности пахтовые чайники из Бухары, сверкал сусальным мозаичным панно расписной ляган, словно это было не плоское фарфоровое блюдо, а стена медресе или мечети.

Хозяин грациального товара разогнул унылую фигуру и равнодушно подал Нэнси жёсткую ладонь. Он не стал церемонничать и расспрашивать, как та добралась, где остановилась, быстро ли его нашла. Он сразу перешёл в контрнаступление. Выдвинул садовый ящик, подпиравший левый передний баллон автомобиля, и, задрав на коленях тугие брючины, чтобы не ломать наглаженные стрелки, склонился над проволочной клетью, переполненной оберточной бумагой. Отогнув край и явил свету белый черепок фаянсового блюда, вернее, блюда – размеры его были невелики.

– Смотрела третью новеллу из «Приключений Шурика»? – спросил зачем-то Сава.

У него был ровный, немного грубоватый, типично начальнический голос с бархатными нотами приглушённой властности.

– Папа обожал гайдаевские фильмы, – кивнула Нэнси.

– Тогда поймёшь мою аллюзию. Это утильный фаянс, – пояснил он. – Под роспись. Будешь тренироваться пока на «кошках». Их много у меня. Их не жалко. Если мне понравится твоя мазня, выдам тебе серьёзный заказец.

– Что значит «серьёзный»?

– Косушки, пиалы, ляганы. Есть немного ваз и кувшинов. Не поняла?

– Почему же «не поняла»? – обиделась на повелительную интонацию Савелия Витольдовича Нэнси. – Поняла! Витражные краски эффектней смотрятся на стеклянных изделиях, так что, если у вас тут проверка на вшивость, лучше...

– Нет, не поняла, – грубо прервал торговец и, поискав глазами что-то из имеющегося арсенала, подхватил из набора пиалу с витиеватым узорным бортиком по краю.

– Сколько?

– Рублей семьдесят, – предположила Нэнси.

– Я не про цену, я про возраст.

– О, я не сильна в этом. Явно не археологическая находка, но навскидку что-то послевоенных лет. Плюс-минус... или около того.

– Ишь ты, – усмехнулся Савелий Витольдович, – прямо пальцем в небо. Но вот с ценником, девочка, ты промахнулась. Это не Китай, а Гиждуван, хоть бы и фабричный. Двести пятьдесят за штуку, весь набор за полторы, и то лишь потому, что ксерокс халтурил.

– Что это значит?

Савелий Витольдович перевернул пиалу и небрежно цокнул мизинцевым ногтем по доньшку.

– Вот, посмотри. Если работа ручная, обязательно видны следы от гончарного круга. Даже если дно покрыто глазурью, всё равно след заметен, если свет направить сбоку. А здесь, видишь, как ни крути, ни черта не видно.

– Так вы же сами сказали, что это фабричное изготовление. – Нэнси вконец запуталась.

– Это я тебе сказал, куклёночек. А покупателю скажу, что здесь узбекские ручки корпели. И довод приведу: ручная роспись. Так она и есть ручная. Здесь ксерокс всё грамотно обставил, забыл только на шлифмашинке кружочки доточить. Лох, конечно, не заметит, а профессионал сразу придерётся и на «вид» поставит.

– Так ксерокс – это мастер?

– Допетрила. Конечно! А то, что такие мастера выдают конвейером: ксерево. Ксерево, оно и есть ксерево. Ни дать ни взять, чистой воды калька!

Нэнси высвободила из рук Сава пиалу, приблизила к глазам.

– То есть она ненастоящая?

– А ты в самом деле думаешь, что керамике шестьдесят годочков? – Сава издал неопределённый звук, похожий на глумливую усмешку. – Среднеазиатская глина, плотная, звенящая – столько в обиходе не живёт. Покупать и использовать повседневно такую посуду может позволить себе только узбек. Отколупался край – выкинул к чертям, а на обратном пути заехал в лавку и купил новую, делов-то на копейку. А здесь у нас не солнечный Узбекистан, не центр гончарного искусства. Такие вещи потому и ценны, что привезены издалека и век их недолог.

– Но она же ненастоящая!

– Что ты заладила, как попугай! – зазвенел от возмущения Сава, испуская гневные токи, будто не его уличили, а он кого-то поймал на недобросовестности. – От новоделов ещё никто не умирал. Спрос стабильный, товар ходовой. Посудка как билась, так и бьётся, а красоты хочется всегда.

– Ваша красота туфтовая! Сплошная липа!

– Однобокое мышление! – не согласился «слон». – Если добре шаражничать, так, получается, мы дело нужное в массы несём.

– Вы это серьёзно? Вы серьёзно так думаете?

– Я похож на шутника?

– Нет, вы не похожи на шутника, – стараясь сохранять самообладание, спокойно возразила Нэнси. – Вы похожи на обманщика.

Савелий Витольдович вздохнул, положил масляный трясущийся подбородок на стиснутые замком пальцы рук и блаженно выматерился – беззлобно, буднично. Он повернулся

к соседу – щупленькому пареньку призывного возраста в тренировочном костюме. Тот стоял, облокотившись на стеллаж с выносными лотками, похожими на хлебные, как в универсаме. Вместо булок и караваев грудились мощнейшие из литого чугуна эллипсоидные утятницы и полусферные казаны.

– Слышал, спиногрыз?

Сава явно искал поддержки в лице «слонячего» коллеги.

– Бросьте, тетя, – запанибратски ответил «спиногрыз», беззастенчиво подслушивающий разговор. – Обычное дело. Всё от человека зависит.

– Вот именно! Я бы так никогда не поступила.

Паренёк отлип от стеллажа, сделал шаг навстречу Нэнси и отобрал из рук пиалу. С видом третьейского судьи вернул Саве чашку.

– А вы не зарекайтесь от сумы, тюрьмы и участи Мумы, – негостеприимно ответил он, замирая от собственной дерзости.

От подобного вероломства Нэнси онемела. Сава сухо затрещал артритными костями, раскладываясь в полный рост, словно швейцарский нож, и в попытке сбить спесь молодого, не придумал ничего лучше, чем подытожить беседу пространной фразой:

– Всё до удивления просто, куклёночек, – миролюбиво сказал он.

– И это самое сложное! – презрительно фыркнула Нэнси, и с чувством достоинства и неотвратимости происходящего, активно заработала локтями, расчищая дорогу к выходу. Её спина выражала яростное и справедливое презрение. Но несколько шагов – и она была вынуждена повернуть обратно. В ней пробуждалась рассудительность, и как бы ни хотелось сейчас уйти от этих неприятных типчиков, она вернулась к «фокусу», сладко жмурившему свои фары-глаза. Автомобиль чем-то напоминал хозяина.

– Передумала? – сладкоголосо прожурчал Сава.

– Сколько у вас... «кошек»? – резко перебила она, стараясь не смотреть в сторону ликующей физиономии чугунного лоточника. Тот раздумывал, смедея, вставить ему свои «пять копеек» или нет.

– Две сотни.

– Мне нужен аванс!

– А мне залог!

– Какой такой залог? – подозрительно спросила Нэнси.

– Я даю тебе материала на десять тысяч, значит, что? Значит, мне нужен залог, – невозмутимо повторил Сава. – Считай, мы квиты: твой аванс – мой залог. Вернёшь посуду, получишь деньги. На всё про всё две недели. Успеешь?

Нахрапистость, с которой действовал «слон», сильно задевала закалённую душу Нэнси, и давала ей основание думать, что торговец липовой посудой уже не раз так борзо поступал. Теперь становилось кое-что понятно. Например, почему он решил воспользоваться услугами гастрольного фриланса. Приезжий изведёт кучу ресурсов и притащится к заказчику. Мысленно он уже потратит заработанные капиталы. Правда, в случае с Нэнси ситуация была скверней: ей банально не хватало денег на обратную дорогу, а такого наймита легко замотивировать на любую работу, даже не совсем легальную.

«Однако, – задыхалась она от гнева, – какая манкировка, какое пренебрежение! Подумать только: ксероксы себе нашёл!»

Но делать было нечего, и проза жизни шептала ей на ухо припрятать до поры до времени свою гордыню.

– Согласная я, – тяжело проговорила Нэнси.

И вдруг почувствовала, что щёки наливаются безобразным пунцом. Она собрала у глаз тонкие морщинки и покривилась, устыдившись собственной реакции. Сухо предупредила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.